

Валерий Черных

Высшая ценность

Валерий Черных

Высшая ценность

«Автор»

2023

Черных В.

Высшая ценность / В. Черных — «Автор», 2023

Философы от Платона до Гегеля определяют справедливость, как высшую ценность, абсолютное добро, являющейся формой проявления высшего единства бытия. Однако, категории законности и справедливости не всегда совпадают. Перед главными героями возникает дилемма – если государство и закон не могут восстановить справедливость, нужно ли всё брать в свои руки. В итоге они решают действовать сами и наказывать преступников сообразно собственному пониманию справедливости.

© Черных В., 2023

© Автор, 2023

Валерий Черных

Высшая ценность

Последние пять дней Денис спал не более трёх-четырёх часов в сутки, и только нервное напряжение, бывшее его верным спутником всё это время, не давало расслабиться и впасть в сомнамбулическое состояние. Сейчас же, когда всё осталось позади и больше ничто не угрожало, его просто рубило на ходу – он чувствовал, как предательская слабость сковывает движения и туманит сознание. Сидя за столом в номере небольшого московского отеля, Денис Лагин слушал рассказ своего друга детства, безуспешно стараясь подавить накативший приступ зевоты.

Илья Вулич позвонил сегодня рано утром. Весь прошедший год они практически не общались, если не считать поздравительных сообщений. По правде, Денису и сегодня было не до Ильи, вернее, вообще не до общения с кем-либо. Вымотанный за прошедшую неделю, он мечтал только об одном – исчезнуть на пару дней, закрыться в собственной квартире, отключить все телефоны и хорошенько выспаться. Однако после короткого телефонного разговора он отменил запланированное исчезновение. Накануне ему пришлось участвовать в рукопашной, и избитое, с кровоподтеками тело Дениса протестовало против этого решения, как и голова, в которой шумело словно с похмелья – но он не мог отказать другу. Заказав билет на ближайший самолёт, он позвонил в офис, предупредил коллегу, что отправляется в Москву, и принялся собирать вещи.

Прежде чем они вошли в номер двое сопровождавших Илью охранников осмотрели его и удалились, чтобы хозяин с гостем могли спокойно побеседовать. Уже после первых фраз Вулича Денис понял, что опасения за свою жизнь буквально подкосили друга. Сколько он помнил Илью, тот всегда был рассудительным, спокойным, собранным. С самого детства в его светлой голове то и дело рождались невероятные идеи и грандиозные планы, многие из которых ему удалось осуществить. Денис, если не завидовал, то уж точно всегда восхищался тем, с каким упорством и последовательностью его друг шёл по жизненным ступеням к вершине благополучия, как методично, шаг за шагом, выстраивал свой бизнес. Создав компанию по дизайнерскому ремонту квартир и особняков, Вулич через пару лет сам строил коттеджи в элитных посёлках, а когда его компания выросла до размеров полномасштабной строительной фирмы – уже многоквартирные дома. Два года назад в результате слияния его предприятия и компании крупного московского застройщика возникла инвестиционно-строительная компания MP Development, ставшая одной из первых на рынке недвижимости. Однако сейчас его друг выглядел морально подавленным: нервно подрагивали пальцы, глаза как у затравленного зверя, и вообще он напоминал не успешного бизнесмена, а измученную истериками жену неверного мужа.

После сбивчивого вступления Илья собрался продемонстрировать копии документов. Лагин привстал в кресле, потянулся к раскрытому ноутбуку и тут заметил, что по белой рубашке друга скользнула красная точка. Денис не успел даже глазом моргнуть, как раздался треск пробитого пулей стеклопакета, из затылка Ильи брызнул розоватый фонтанчик, и, отброшенный на спинку стула, его друг запрокинул голову, тупо уставившись в потолок. Лицо его мгновенно превратилось в безжизненную маску, а в широко открытых глазах навсегда застыло немое удивление. Все это запечатлелось в сознании Дениса за доли секунды, потому что он тут же резко дернулся влево и соскользнул с кресла на пол. Вовремя успел. Вновь раздался характерный звук пробиваемого стекла, пуля обожгла правое плечо и с глухими шлепком впечаталась в стену. Денис уже почти полностью скрылся под столом, когда треск повторился и очередная пуля пробила крышку стола. На несколько секунд он затаился, лежал неподвижно,

а затем змеиными движениями подполз к окну, прижался спиной к простенку и потянул шнурок, закрывая штору. И только после этого вскочил на ноги, метнулся назад, схватил со стола ноутбук и, пригибаясь, рванул к двери. Стараясь не думать о том, что стало бы с ним, останься он в кресле, Денис сунул ноутбук в свою дорожную сумку, натянул куртку, быстро осмотрел в глазок коридор и выскользнул из номера.

***

Несколько дней назад Лагина нанял личным телохранителем питерский бизнесмен Зимин, единоличный владелец крупного холдинга, уверенный, что на него готовится покушение. Собственно, покушение уже состоялось, автомобиль Зимина взорвали на стоянке офиса. Только бизнесмена в нём не было – погибли водитель и начальник службы безопасности компании, который случайно оказался в машине. По факту взрыва было возбуждено уголовное дело. Отвечая на вопросы, Зимин полдня провёл в следственном комитете и в результате получил подписку о невыезде. Он посчитал это беспределом, однако его возмущение не произвело на следователя никакого впечатления.

Спустя несколько часов семья бизнесмена уже летела на Кипр, а сам несостоявшийся покойник сидел в офисе частного детективного агентства. У Зимина имелась собственная служба безопасности, личная охрана из четырёх крепких вооружённых ребят, но от заложенной в автомобиль бомбы это не спасло, и он больше не мог полностью довериться им. Покушение страшно напугало Зимина, ему очень хотелось жить, поэтому нужны были стопроцентные гарантии собственной безопасности, нужен был лучший специалист. Таким в Питере считался Лагин и его контора. Штат агентства состоял всего из двух сотрудников: самого Дениса Лагина и бывшего десантника, инженера-электротехника Игоря Тулова.

После доверительной беседы с клиентом было решено, что пока Игорь попытается установить заказчика, Денис вывезет бизнесмена из Питера. Для укрытия Лагин выбрал сдающееся внаём домовладение, расположенное в охраняемом коттеджном поселке. Однажды он уже использовался его для подобных целей. Удачно расположенный на холме, не имеющий соседей ни с фасада, ни с тыла, дом прекрасно подходил для обороны в случае нападения. Через камеры видеонаблюдения отлично просматривался лес за участком, и золотистые стволы высоченных вековых сосен не мешали обзору.

Удобная, продуманная планировка дома могла обеспечить комфортное проживание семьи из нескольких человек: кухня-столовая, гостиная с камином, хозяйские и гостевые спальни, комнаты, видовой кабинет, четыре санузла и сауна. Однако Денис со своим клиентом устроился в цоколе под первым этажом, где располагался гараж и котельная с дополнительным лазом во двор, а также вспомогательные помещения для хранения. Две небольших каморки переоборудовали для проживания.

Охраняемый должен был практически всё время находиться в своей импровизированной спальне и только два раза в день подниматься в зимний сад на первом этаже, чтобы подышать свежим воздухом. Денис предполагал, что они пробудут здесь не более пяти дней, а если розыск заказчика не даст результатов, планировал подставиться под киллера и поймать его на живца. Однако уже на второй день клиент начал тяготиться своим вынужденным заточением. Зимин принялся скандалить и не воспринимал заверений Лагина, что всё идёт по плану. Еще перед выездом из города Денис отобрал телефоны у всех участников путешествия. Охранники были оснащены рациями, сам же он держал связь со своего смартфона через программу для IP телефонии с подменой номера. На телефон были выведены все камеры видеонаблюдения, и все же большую часть времени Денис проводил на улице, осматривая территорию вокруг дома и контролируя четырёх охранников, которые по двое несли круглосуточное дежурство, сменяя друг друга.

На третий день, закончив утренний обход территории, Лагин спустился в цоколь, чтобы вывести бизнесмена на прогулку, и вдруг услышал голос, доносящийся из комнаты вынужденного затворника. Тихо подкравшись, Лагин прислушался, и, сообразив, что Зимин говорит по телефону, резко толкнул незапертую дверь: бизнесмен сидел на кровати, прижав трубку к уху. Вздрогнув от неожиданности, он выронил аппарат.

– Твою мать! – рявкнул Лагин, кидаясь к упавшему на пол телефону.

Схватив его, он быстро извлёк сим-карту, вновь бросил смартфон на пол и принялся крушить его каблуком.

– Ты когда первый раз звонил по нему?! – заорал он благим матом в лицо бизнесмену.

– Вчера утром, – заикаясь ответил тот.

– Идиот!

Денис включил свой телефон, выбрал программу видеонаблюдения и стал всматриваться в экран. На первый взгляд всё было спокойно. Он поднял глаза на Зимина и злобно процедил:

– Ты понимаешь, что мог раскрыть нас?

– Этот номер никто не знает, – пролепетал охраняемый.

– Ты кому звонил?

– Бухгалтеру в офис.

– Понятно. Всё, собирайся! Мы уезжаем! Наверняка все номера твоих сотрудников на прослушке!

– Может, обойдётся? – в голосе бизнесмена слышались заискивающие нотки.

Не обошлось. В этот момент на телефоне Лагина сработал датчик движения камеры, направленной на лесную зону. Он выхватил из кармана рацию и громко выкрикнул в микрофон:

– Всем приготовиться! У нас, похоже, гости!

Когда все охранники поочерёдно ответили, Денис удовлетворённо выдохнул и толкнул бизнесмена в спину.

– Одевайся! Бронежилет не забудь, и жди команду!

Сам он опять уставился в экран смартфона и буквально через несколько секунд злобно выругался. Их атаковали люди в камуфляжной экипировке, вооружённые короткими автоматами. Двое уже проникли на территорию коттеджа через центральный заезд. Они залегли за кустами у ворот, по-видимому, остановленные выстрелами охранников, и вели ответный огонь в сторону фасада. С задней стороны дома пока было тихо. Денис быстро расчехлил «Вал» с интегрированным глушителем – бесшумную снайперскую винтовку, предназначенную для бойцов спецназа, а не для массового использования в строевых частях. Он любил этот лёгкий автомат, модифицированный по его заказу под магазины повышенной ёмкости. В умелых руках Лагина «Вал» представлял собой грозное оружие.

Взбежав по лестнице на первый этаж, Денис пересёк кухню и осторожно выглянул из окна на задний двор. За несколько секунд ситуация успела кардинально измениться. Ещё двое бойцов в камуфляже перемахнули забор и перебежками приближались к дому. Тела защищавших тыл двоих охранников лежали неподалёку от стены без видимых признаков жизни. Не отодвигая прозрачный тюль, Денис вскинул «Вал» и поймал цель в перекрестье сетки оптического прицела. Звук выстрела был не громче хлопка в ладоши, и первый из бегущих к дому рухнул с простреленной головой. Второй вскинул автомат, собираясь дать очередь по окнам, но Лагин уже держал его на прицеле. Пуля, вошедшая прямо в переносицу, остановила нападавшего – ещё одно бездыханное тело рухнуло на землю. Удовлетворённо хмыкнув, Денис бросился назад в цоколь, вытолкнул Зимина в помещение котельной, приоткрыл люк лаза и осмотрел территорию заднего двора. Охранники и нападавшие лежали неподвижно. С фасадной стороны участка раздавались редкие короткие очереди. Лагин первым выпрыгнул из лаза, бросился на землю и направил «Вал» на угол дома, откуда могли появиться непрошенные гости.

Когда его подопечный наконец выкарабкался наружу, Денис кивнул на калитку, ведущую в лес, и приказал:

– Пригнись, и бегом туда! Я прикрываю!

Зимин преодолел половину расстояния до забора, когда Лагин бросился следом. Едва они выскочили за периметр, как сзади прогремели выстрелы и пули ударили в металлическую рамку калитки. «Отстрелялись ребята, – понял Денис, имея ввиду охранников, оборонявших фасад. – Теперь наша очередь». Он остановился за деревом, выглянул, чтобы проверить свои предположения, и увидел, что не ошибся. Две фигуры мелькнули в проёме калитки, разбежались в разные стороны и нырнули в кусты. Денис вскинул оружие, дал короткую очередь в сторону противника и бросился догонять бизнесмена, который уже добежал до берега расположенного неподалёку благоустроенного озера и начал его огигать. Но уже через минуту Лагин понял, что с таким стайером, как его подопечный, им далеко не уйти. Зимин, на подгибающихся ногах, двигался из последних сил. Лицо бизнесмена покраснело до ярко-пунцового цвета и покрылось крупными каплями пота, из открытого рта вырывалось хриплое дыхание. О том, чтобы обогнуть с ним водоём и занять позицию на другом берегу и думать не приходилось. На секунду Денис даже испугался, что этот полный человек может испустить прежде чем до них доберутся киллеры. Нужно было что-то решать, и Лагин остановился, толкнул бизнесмена в кусты и приказал залечь. Тот с видимым облегчением распластался на земле, уткнувшись лицом в толстый слой опавшей хвои, а Денис осмотрелся по сторонам и, раздвигая прибрежные заросли осоки, полез в холодную воду. Он погрузился почти по плечи, взял «Вал» наизготовку и замер.

Их преследовали опытные бойцы, они избегали открытых участков и двигались вдоль тропы под прикрытием зарослей. Спустя некоторое время Денис заметил покачивающиеся макушки кустов, прицелился и дал очередь в этом направлении, водя стволом справа налево. Вскрик и падение тела подтвердили, что он не промахнулся. Несмотря на глушитель, выстрелы в тишине утреннего леса прозвучали довольно громко. Тут же раздалась ответная очередь, пули ударили по воде, но довольно далеко от Лагина. Второй противник явно стрелял на слух. Денис не стал менять местоположение, чтобы не терять ориентир, и, тоже на слух, выпустил очередь, повторив предыдущий манёвр.

В ответ никто не выстрелил. Не веря в свою удачу, Лагин ещё немного постоял, прислушиваясь, затем двинулся в сторону и через десяток метров осторожно выполз на берег. Он лежал, всматриваясь в густые кусты и прислушиваясь к наступившей тишине. Никаких звуков, кроме пения птиц, никакого движения. Тогда Денис поднялся на ноги и направился к тому месту, где оставил своего подопечного. Он нашел Зимина почти без чувств, лежащего в позе эмбриона.

– Живой? – спросил Лагин вполголоса, перевернул бизнесмена на спину и похлопал по щекам.

Тот часто закивал головой и даже попытался приподняться, но Лагин прижал его ладонью к земле.

– Лежи, пока я всё не проверю, – приказал он вполголоса и двинулся в кусты.

Углубившись в заросли, Лагин почти сразу обнаружил первое тело и стянул с его головы скрывающую лицо маску. Парню было меньше тридцати. Остекленевшие глаза широко открыты, на груди и животе следы от выстрелов, но без крови. От этих попаданий киллера защитил бронежилет, но рана на шее, которую он, видимо, пытался зажать рукой, оказалось смертельной. Осторожно ступая, Лагин двинулся дальше, туда, где по его предположениям должен был находиться второй преследователь, и действительно наткнулся на него через пару десятков метров. У парня были прострелены обе руки и, по всей видимости, перебита артерия на правой, потому что всё вокруг было забрызгано алой кровью. Он был ещё жив, и, лёжа на боку, пытался зажимать рану левой рукой, но это была уже агония. Стоя над ним, Денис с

сожалением скривился. Хоть одного нужно было бы взять живым. Теперь выход на заказчика вновь становился делом весьма проблематичным.

– Чёрт, – тихо ругнулся Лагин, понимая, что ничем не может помочь раненому, и тот просто истечёт кровью в ближайшие пару минут.

«А ведь они на чём-то должны были приехать», – вдруг мелькнула мысль, и, сорвавшись с места, он побежал в сторону шоссе.

Кусты росли только вдоль огибавшей озеро тропы. Остальной лес просматривался довольно далеко и вскоре между деревьями мелькнул силуэт чёрного внедорожника. Денис притормозил, перешёл на шаг, а затем и вовсе стал подбираться к машине крадучись. Он подзрел, что в салоне находится водитель, и не мог допустить, чтобы тот, заметив его, просто уехал. Прячась за деревьями, Лагин приблизился к внедорожнику на расстояние, которое можно было преодолеть одним броском, прицелился в переднее колесо и нажал на курок. Машина мгновенно осела. В очередной раз он оказался прав. На водительском месте действительно сидел человек. Он опустил стекло, высунул голову наружу, осмотрелся вокруг и сердито уставился на спустившее колесо. Воспользовавшись этим, Денис бросился вперёд, ткнул водителя в голову стволом автомата и приказал:

– Выходи!

Когда мужчина выбрался из салона, Лагин громко скомандовал:

– Стоять! Руки вверх!

Человек спокойно отреагировал на его команду и безропотно поднял обе руки. Он был одет в такой же камуфляж, как и напавшие на дом киллеры. Около сорока лет, скуластый, волевой подбородок и слегка прищуренные глаза с напряжённым взглядом. Ничто не выдавало в нём волнение или страх. Он равнодушно посмотрел на Дениса и негромко поинтересовался абсолютно спокойным тоном:

– В чём дело? Вы кто такой?

– Хочу задать тебе аналогичный вопрос, – бросил Денис, шагнул ближе и почти упёрся стволом в грудь водителя.

То, что произошло дальше, оказалось полной неожиданностью. Уверенный в своём превосходстве и обрадованный удачным стечением обстоятельств, Лагин на долю секунды потерял бдительность, и это чуть не стало его роковой ошибкой. Отработанным движением мужчина выбил у него из рук оружие и двинул ногой в живот. Денис отлетел примерно на метр, но сумел удержаться на ногах. Водитель быстро сунул руку под камуфляжную куртку и, промедли Лагин хоть мгновение, успел бы выхватить пистолет. И тогда...

После Денис неоднократно проигрывал эту сцену, и каждый раз по спине пробежал мерзкий холодок страха. Его спасла мгновенная, на уровне инстинкта, реакция: он бросился на противника, помешав ему достать оружие, и они, сцепившись, грохнулись на хвойный ковёр. В некоторых аспектах рукопашного боя мужчина был явно не слабее, а может даже сильнее Лагина. Они плотно держали друг друга, катаясь по земле и нанося удары, пока Денису не удалось извернуться и врезать противнику коленом в пах. Тот ослабил хватку, и этого Лагину хватило, чтобы оторваться от него, вскочить на ноги, ухватить водителя за ворот куртки и приложить его затылком о порог внедорожника. Дёрнувшись, мужчина застыл в неестественной позе. В первое мгновение Денис испугался, что убил и этого «языка», но, нащупав устойчивый пульс на шее противника, удовлетворённо выдохнул. Он успел связать руки пленного за спиной его же брючным ремнём, когда в наплечном кармане завибрировал телефон. Разбитыми, негнувшимися пальцами Лагин с трудом выковырял аппарат и ответил на звонок.

– Привет, – послышался в трубке голос Игоря.

– Привет.

– Ты что так дышишь? У тебя всё в порядке?

– Нормально. Нас тут немного по лесу погоняли.

- Что-о-о?! – заорал Тулов. – На вас напали?!
- Напали, напали, – устало подтвердил Денис. – Ты чего звонишь?
- Есть версия по заказчику. Только доказухи маловато. Я сейчас же выезжаю к тебе!
- Давай! В полицию сообщи. У меня тут гора трупов.
- Клиент-то жив?
- Жив, если от поноса не помер. Давай, шевелись, а то я чуть живой.
- Ранен?
- Нет, просто устал.
- Всё, еду!

Лагин отключился и взглянул на лежащего у машины человека, который уже пришёл в себя, и мутным, злым взглядом буравил победителя.

- Ты чых будешь, гнида? – спросил Денис.

Лежащий покрутил головой, затем втянул ртом воздух и смачно плюнул кровавой слюной в сторону Лагина.

- Понятно, – вздохнул тот. – Ждём полицию.

Общение с правоохранительными органами заняло остаток дня и большую половину ночи. А когда уже под утро Денис добрался до своей квартиры и хотел завалиться спать, позвонил Вулич.

***

Под удивлёнными взглядами охранников, застывших по обе стороны от двери, Денис почти на четвереньках выскочил из номера в коридор. Он скорчил страшную гримасу, изображавшую, по его мнению, крайний испуг, и прохрипел замогильным голосом:

- Снайпер!

Этого оказалось достаточно, чтобы оба телохранителя бросились в открытую дверь номера.

Лагину только это было и нужно. Он не собирался более оставаться здесь, дожидаться полицию или киллера на подстраховке, который в случае прокола снайпера мог завершить начатое. Последнее было маловероятно – такие варианты никогда не использовались при заказных убийствах, но чем чёрт не шутит! Денис понимал только одно – нужно убраться отсюда поскорее и не дать полиции забрать ноутбук. Потом он найдёт тысячу объяснений своему поступку: страх за собственную жизнь, состояние аффекта или что-нибудь подобное. Никаких проблем с полицией он не предвидел, ему просто нечего будет предъявить. Да и его адвокаты, если что, развалят любые обвинения.

Быстро отряхнув ладонями одежду, приводя её в относительный порядок, Лагин торопливо направился к пожарной лестнице. В холле первого этажа он осмотрелся, увидел служебный выход и через минуту оказался в небольшом проулке, ведущем во двор многоквартирного дома позади отеля. Не прерывая шага, он достал из кармана телефон, разобрал, извлёк сим-карту, отсоединил аккумулятор и сложил всё это в сумку. Телефон должен на время умереть, чтобы его не отследили, пока он будет выяснять, что всё-таки происходит, не охотятся ли и за ним.

Стараясь оказаться подальше от места происшествия, вскоре Лагин затерялся среди многоэтажек.

***

С позиции в доме напротив снайперу хорошо были видны окна отеля. Через оптику он наблюдал за происходящим внутри номера, видел застывшее в кресле у стола мёртвое тело,

дверь выхода, но никак не мог обнаружить второго человека – тот словно растворился в пространстве. Когда ожили портьеры, закрывая окна, он громко ругнулся, оторвался от прицела, быстро разобрал оружие и сложил его в сумку, стоящую у ног.

– Гильзы подбери, – бросил он человеку, застывшему позади.

– Уже, – коротко ответил тот, поправляя шапку-маску на голове.

– Уходим.

Через минуту двое мужчин в масках спокойно покинули подъезд и под удивлёнными взорами местных жителей погрузились в тёмно-синюю «Вольво», припаркованную рядом. Дворами, не выезжая на проспект, они добрались до стоянки высотного дома в трёх кварталах от места проведения операции, и пересели в серую старенькую «Тойоту».

– Сумку заberi, – приказал напарнику снайпер.

– Зачем? – удивлённо спросил тот, но, поймав на себе злобный взгляд, безропотно повиновался.

– Пригодится. Я ещё не закончил, – соблаговолил пояснить снайпер, когда они уселись в машину. – Трогай!

Он поудобнее откинул спинку пассажирского сиденья, вытянулся и закрыл глаза.

– На дачу? – спросил водитель.

Ответа не последовало, и он повторил свой вопрос:

– Закир, едем на дачу?!

Закир приоткрыл глаза, еле заметно кивнул и снова сомкнул веки. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри него бушевали нешуточные страсти: злоба, ненависть и жажда мести, усиленные досадой на невезение. Он должен был убить этого второго! Но тот оказался шустрее...

Всю последнюю неделю они прослушивали телефоны Вулича, и вот сегодня утром удача наконец-то улыбнулась им. После обеда «клиент» должен был встретиться со своим другом в отеле, и это место как нельзя лучше подходило для ликвидации. Закир давно проработал план и только ждал, когда Вулич привезет в номер кого-либо из своих гостей, которых он, как правило, сопровождал лично. Закир с напарником Аюбом уже собирались выезжать из дома, в котором жили последнюю неделю, когда из Питера позвонил «прикормленный» полицейский и сообщил Закиру о гибели его младшего брата. Брат входил в группу, которая должна была ликвидировать крупного питерского бизнесмена Зимина, и на первый взгляд эта операция представлялась лёгкой прогулкой. Известие о гибели всей группы, при том, что объект нападения не пострадал, оказалась шоком для Закира. Он почти минуту молча переваривал сообщение, пока полицейский на том конце не начал беспокоиться, и только тогда прохрипел:

– Как это случилось?

– Телохранитель положил четверых.

– Четверых?!

– Старший задержан. Мы тут почти всю ночь на ушах были. В посёлке торчали. Вот только сейчас смог вырваться и позвонить.

Закир скрипнул зубами и мысленно выругался. Все погибшие были членами его группы, и он лично готовил их, готовил операцию. Вообще-то и руководить на месте должен был он, но в последний момент старшие всё переиграли. Решено было убирать Вулича, и они с Аюбом остались в Москве готовить покушение на него. В памяти Закира всплыл листок с данными на телохранителя Зимина, предоставленный тем же полицейским. Крупное фото на четверть страницы: спокойное лицо с рублеными чертами, уверенный взгляд слегка прищуренных глаз.

– Ты труп, – прошептал он одними губами.

Когда Закир неожиданно опознал в госте Вулича того самого телохранителя Зимина, удивление мгновенно сменилось хищной радостью и он едва не спустил курок, автоматически прицелившись в ненавистное лицо. Но собрался и перевёл прицел на сидящего рядом Вулича – он был объектом ликвидации. Едва бизнесмен откинулся в кресле с простреленной головой,

Закир тут же выстрелил во второго, но промахнулся. С тем же успехом он сделал ещё один выстрел, а после шторы полностью закрыли обзор.

На обратном пути Закир молча переживал свою неудачу, крепко, до боли в зубах, сжав челюсти. Жажда мести мутила разум. Где теперь искать врага? Питерский адрес его был известен, только когда он ещё соизволит вернуться домой из столицы? Да и старшие вряд ли одобряют его решение мстить убийце брата, а это значит, что придётся послать их и действовать самому. Похоже, он отправляется на вольные хлеба и становится киллером-одиночкой...

Закир Салманов, чеченец по происхождению, внешне не был похож на кавказца: светловолосый, с дымчатыми глазами. По-русски он говорил чисто, без акцента, что вполне оправдывало его нынешний паспорт с русскими именем и фамилией.

В тысяча девятьсот девяносто девятом, когда началась вторая чеченская война, Закиру только исполнилось четырнадцать, а его брату Адаму тринадцать. В сентябре во время бомбардировки Российской авиацией Грозного и окрестностей почти вся семья Салмановых – отец, мать, две старших дочери, – погибли при взрыве ракеты, пущенной с российского штурмовика. Закир с Адамом гостили у дальних родственников в селе, и потому остались живы. Через неделю после похорон брата с несколькими ровесниками ушли в горы. Потеряв родных, Закир люто возненавидел всех русских, и без колебаний мог зарезать любого, даже младенца, женщину или старика. Он жаждал отомстить. Он научился стрелять лучше всех, бросать гранаты, научился минировать и взрывать. Он, не задумываясь, мог броситься под танк или с поясом шахида взорвать любой объект.

После того как к власти в Грозном пришёл Ахмат Кадыров, кроме русских у Закира появились новые кровные враги – соплеменники, сотрудничающие с врагами его родины. Впрочем, и в своих соратниках, которых считал героями, борцами за свободу, Закир со временем разочаровался: понял, что они просто отрабатывали деньги зарубежных спонсоров, и им, по сути, было глубоко плевать, за кого воевать – лишь бы платили исправно и много. В конце концов Закир стал ненавидеть всех. Единственным человеком, которого он любил, был его брат Адам. Все остальные представляли для него однородную безликую массу.

Шесть лет братья скитались в горах с отрядом боевиков: нападали на блокпосты, захватывали заложников, устраивали диверсии на военных объектах – вели партизанскую войну. За время, проведённое в горах, они возмужали и приобрели огромный опыт диверсионных действий. Но в конце концов их отряд, как и остальные формирования боевиков, стал терпеть поражение за поражением. Новые чеченские власти совместно с федералами методично уничтожали их, поэтому многие просто прекращали боевые действия и переходили на сторону законной власти. Когда Закир осознал, что конец близок, они с братом вышли из леса. Только в мирной жизни им места не нашлось. Они умели лишь воевать и ничем другим заниматься уже не могли. Зато их навыки оченьгодились в криминальной среде: буквально через полгода Закир с братом примкнули к чеченской банде, орудовавшей в Москве.

Жизнь в столице кардинально отличалась от жизни в горах: комфорт, отдельная квартира, деньги, машина. Группировка считалась чеченской, но на деле состояла из отморожков разных национальностей. Они не брезговали ничем: от банальных грабежей и рэкета до участия в рейдерских захватах мелких предприятий. Два года банда практически безнаказанно орудовала в столице. Удача сопутствовала им во всём и это расслабляло, заставляя верить в свою неуязвимость. Но всему когда-то приходит конец. Наспех спланированное нападение на инкассаторов привело к аресту нескольких членов группировки, ну а те сдали всех остальных. Закиру грозило от десяти лет и выше строгого режима, однако его личность, как и личность Адама почему-то не сильно заинтересовала следствие. Братья получили всего по пять лет и отправились в колонию общего режима в Новосибирской области. Закир счёл это удачей. Пять лет – ерунда по сравнению с тем, к чему их могли приговорить, если бы следователи проявили служебное рвение, установили личности братьев и детально покопались в их прошлом.

Только спустя три года, когда оба Салмановых освободились по УДО и у ворот колонии увидели адвоката, защищавшего их в суде, Закир понял, кому они обязаны таким мягким приговором. Адвокат привёз бывших зеков на квартиру, где их ждал мужчина лет сорока пяти с военной выправкой и цепким волевым взглядом человека, привыкшего командовать.

Олег Иванович, как представился хозяин квартиры, знал о Салмановых всё. На журнальном столике перед ним лежало полное досье на братьев, с перечислением всех их подвигов за последние десять лет. Без каких-либо прелюдий и уговоров Олег Иванович предложил работу. Рисковую, но для братьев привычную – убить человека. Закир, не раздумывая, дал согласие, нутром чуя, что в случае отказа их жизни закончатся в одном из подмосковных болот.

Операция по устранению менеджера коммерческого банка оказалась делом довольно лёгким. Этот человек вёл открытый образ жизни, у него не было охраны и бронированного автомобиля. Закир просто подошел к «объекту» на стоянке перед домом, ударил его ножом в сердце, забрал всё ценное, имитируя ограбление, и спокойно удалился.

Опасения братьев, что новый работодатель использует их как одноразовый материал и после выполнения работы просто уберёт, оказались напрасными. После акции Салмановых отправили на закрытый объект в Подмоскowie, напоминающий спортивную базу – там проживали и тренировались порядка двадцати человек. База принадлежала охранной фирме, хотя на практике та скорее представляла собой частную армию. По крайней мере, дисциплина в подразделении, куда определили братьев, была совсем как в армии – гораздо жёстче, чем в отряде боевиков. Зато все, чему учили на базе, было давно знакомо братьям, а многие вещи они вообще знали гораздо лучше инструкторов.

Уже через месяц, набрав оптимальную физическую форму после колонии, Салмановы начали службу в ЧОПе. Занимались в основном силовой поддержкой рейдерских захватов, которые проходили, как правило, при участии полиции. Силовики, приезжавшие с постановлением на обыск, заводили на объект частную охранную компанию. Те брали объект под охрану и выдворяли с территории прежнюю администрацию. Сильно сопротивлявшихся хозяев бизнеса без колебаний устраняли физически. Пять лет всё проходило без особых проблем, и только с компанией MP Development неожиданно возникли сложности...

Но сейчас Закиру было глубоко наплевать на проблемы своих хозяев. Смерть брата затмевала всё остальное, мучила сознание. Он даже не заметил, как они доехали до места, как плавно отползли металлические ворота, машина въехала во двор и остановилась возле дома. Вышедший из автомобиля Аюб с некоторым удивлением уставился на сидящего без движения напарника.

– Закир! – громко окликнул он. – Закир!

Салманов пошевелился, открыл дверь, медленно выбрался наружу. Заметив его остеклевший взгляд, Аюб спросил с тревогой:

– Ты в порядке?

– В полном, – процедил сквозь зубы Закир.

Когда он открыл багажник и достал сумку с автоматом, Аюб укоризненно покачал головой: тащить с собой оружие, из которого только что совершено заказное убийство, являлось нарушением установленных правил. Но он ничего не стал говорить, лишь молча наблюдал, как Закир закопал сумку в кучу осенней листвы, поднялся на крыльцо и скрылся за дверью. Когда Аюб появился в гостиной, он застал Закира за изучением лежащего перед ним листка с информацией на убийцу брата.

– А он москвич, – тихо произнёс Закир и мечтательно протянул: – Значит, здесь у него наверняка остались родственники. Мать или отец.

Аюб нервно дёрнул плечами и скривил рот. Ему не нравилось настроение товарища и его желание отомстить. Ничего хорошего от этой идеи ждать не приходилось, но отказать в помощи соплеменнику он не мог и поинтересовался:

– Адрес есть?

Закир медленно покачал головой, затем достал из кармана телефон и набрал номер полицейского из Петербурга.

– Привет. Как там у вас?

– Привет. Что тебя конкретно интересует?

– Я могу тело брата забрать?

– Пока идёт следствие, не получится. Потом всё организуем. Кстати, вашего парня сегодня отпустили. Адвокат постарался.

– Понятно. Помощь нужна. У телохранителя должны быть родственники в Москве. Можешь узнать адрес?

– Попробую. Он бывший сотрудник, так что данные должны быть в базе. Позже скину смс.

– Спасибо. Отбой.

***

Номер «люкс»: две комнаты, кухня, ванная – всё как положено. Перед обеими комнатами тянется балкон. Игорь Иванович Большаков, старший оперуполномоченный 1-й оперативно-розыскной части, более известной как «убойный отдел», не спеша обследовал все помещения и остановился у окна с тремя пулевыми отверстиями в стекле.

Большаков работал в угрозыске почти четверть века. Начинал простым опером в районном отделе, и уже почти четыре года трудился в «убойном» Главка, где расследуют только тяжкие преступления. «Клиенты» отдела – маньяки, педофилы, убийцы. Год назад, в рамках борьбы с коррупцией, почти все сотрудники Московского уголовного розыска были выведены за штат, перетрясли и другие подразделения Главка – все, кроме «убойного». Резонансных преступлений с каждым годом становилось всё больше, а начавшийся в тринадцатом году массовый исход профессионалов обескровил органы: бороться с преступностью стало практически некому. В «убойном» была сосредоточена элита сыска и, по-видимому, никто не рискнул вывести их за штат.

Большаков внимательно осмотрел ровные, аккуратные отверстия в стеклопакете, затем вопросительно взглянул на стоящего рядом эксперта, изучающего зажатую между губками пинцета пулю.

– Стёкла изнутри плёнкой армированы, – ответил эксперт на немой вопрос подполковника.

– Зачем?

– Может, чтобы шторы не выгорали, – пожал тот плечами, поднимая пинцет на уровень глаз.

– Девять миллиметров? – уточнил подполковник, разглядывая пулю.

– Да. Скорее всего, «Винторез» или «Вал».

Большаков привычным жестом потёр подбородок. Снайперский автомат «Винторез» или его поздняя модификация «Вал», предназначенные для спецподразделений, довольно редко использовались киллерами. Подполковник вновь тронул подбородок и припомнил, что в две тысячи тринадцатом из подобного оружия пристрелили самого авторитетного вора России – деда Хасана.

Достав из внутреннего кармана пиджака шариковую ручку, Большаков сунул ее в пулевое отверстие в стеклопакете. Ручка вошла под углом и точно указала на окно квартиры в доме напротив. Всё это он проделал лишь для проформы. Его сослуживцы сразу по приезде определили место, откуда стрелял снайпер, и сейчас проводили там обыск. Подполковнику уже были известны предварительные результаты – вернее, их полное отсутствие. Кроме связанных по

рукам и ногам хозяев квартиры опера ничего не обнаружили. Опрос соседей по подъезду показал, что, по-видимому, работали профессионалы, двое. Уходили спокойно, нагло, не торопясь. Несмотря на то, что во дворе было довольно много народу, вышли из подъезда в масках, один нес в руках большую спортивную сумку. Сели в тёмно-синий «вольво» и плавно выехали из двора. Свидетели запомнили номер машины, и был объявлен план «перехват». Однако богатый опыт подсказывал Большакову, что вскоре эту машину обнаружат в нескольких кварталах от места преступления, но её осмотр тоже ничего не даст. Нужно браться за разработку ближнего круга убитого, проверять его связи и место работы.

Хлопнула входная дверь номера. Большаков обернулся и жестом подозвал вошедшего сотрудника отдела, капитана Ерохина, который должен был проверить записи с камер наблюдения. Охранники убитого показали, что их шеф беседовал в номере с человеком из Питера, но тот скрылся сразу после убийства.

– Есть что-нибудь? – поинтересовался подполковник.

– Есть!

Ерохин достал телефон и включил видео с камеры наблюдения, установленной в коридоре.

– Вот он, наш клиент. Выскочил из номера и, как только охранники рванули сюда, свалил по-тихому. Вот видео с первого этажа. Он через служебный вход ушёл. Опытный, гад!

– Опытный, – согласился Большаков, закончив просмотр.

Он не лукавил, соглашаясь с выводами коллеги, поскольку прекрасно знал человека, который был в номере с убитым. Уже на первых кадрах подполковник узнал своего бывшего напарника по работе в районном УГРО, Дениса Лагина.

– Где охранники? – поинтересовался подполковник у Ерохина.

– В холле сидят. Их следак из прокуратуры допрашивает.

– Ты-то успел их опросить? Поинтересовался, когда Вулич снял этот номер? Киллеры захватили квартиру за два часа до покушения. Получается, они заранее знали, куда он приедет?

– А он и не снимал. Номер числится за ним. Здесь всегда останавливаются его гости. Один из охранников слышал, как утром босс звонил из машины и приказал приготовить номер для его друга. Они гостя в аэропорту встретили и привезли в отель.

– Он что, круглый год платит за номер?

– Нет, просто половина отеля ему принадлежит, так что...

– Понятно, – прервал подполковник.

Хотя непонятного было хоть отбавляй. Почему прямо из аэропорта Денис сразу поехал встречаться с Вуличем? Зачем вообще останавливаться в отеле, если у него в Москве мать, и он мог жить у неё?

Большаков проследовал в коридор, аккуратно закрыл за собой дверь, достал телефон и набрал номер Лагина. «Абонент недоступен», – сообщил автоматический голос в трубке. Подполковник тихо выругался, сунул аппарат в карман пиджака и нервно провёл рукой по коротко стриженным седым волосам. Вернувшись в номер, он обратился к эксперту:

– Что скажешь?

– Три выстрела. Один в цель. Зачем ещё стреляли – непонятно. Разброс странный: стена, стол. Палили, как с перепугу или от злости. По-видимому, второго пытались достать. Снайпер, похоже, не профессионал, просто навык хороший имеет.

– Не профессионал?

– Профи положил бы обоих, – согласился с экспертом Ерохин. – Я в горах видел, как за десять секунд пятерых из такого же ствола положили. Даже дёрнуться не успели.

– Да это ни о чём, – отмахнулся подполковник. – Обстоятельства бывают разные. Может, занервничал?

Эксперт не стал спорить, отвернулся от оперов и занялся мёртвым телом.

– Да! – неожиданно воскликнул Ерохин. – Пока ты выходил, мне Литвин звонил. Сказал, что не смог тебе дозвониться. Просил набрать его.

Большаков нервно поморщился. Не сказать, чтобы начальник «убойного», полковник Литвин, вызывал у него раздражение. Отношения были нормальные, товарищеские, хотя близкой дружбы они не водили. Напрягал сам звонок. Похоже, кто-то уже заинтересовался этим делом и сейчас их начнут торопить с расследованием. Большаков с явной неохотой достал из кармана телефон и набрал номер.

– Слушаю, Виталий Генрихович.

Он слегка кривился, слушая начальника, и почти незаметно качал головой в такт его словам.

– Понятно, на связи, – устало произнёс подполковник через минуту и отключил телефон. – Ну и на хрена ты рассказал ему про гостя Вулича? – рыкнул он, в упор глядя на Ерохина.

– А что тут такого? – недоуменно пожал плечами капитан.

– Такого ничего! Только у нашего начальника уже готов виноватый. Приказано следовать версии, что гость и есть организатор убийства. Теперь это наша приоритетная версия.

– Так может он и правда... – начал капитан.

– Не может! – раздражённо перебил Большаков. – Я знаю этого человека. Это Денис Лагин. Мы работали вместе.

– А-а-а, это тот, что сейчас частный детектив в Питере, – припомнил Ерохин рассказы подполковника о работе в районном УГРО и своем бывшем напарнике.

Большаков мрачно кивнул и, поразмыслив, добавил:

– Не мог-то он не мог, но что он здесь делал и почему слинял, узнать не мешает. Только у него телефон выключен.

– И где его искать?

– Пробей телефон и адрес его матери. Лагина Мария Николаевна. Припоминаю, живёт где-то в районе Семеновского метро. Возможно, он к ней двинул.

– Ещё один момент, – встрял в разговор эксперт. – Здесь сумка от ноутбука. Внутри зарядка, шнуры, а самого ноутбука в номере нет.

– Скорее всего, Лагин унёс его с собой, – предположил Ерохин.

– Ты прямо экстрасенс, – буркнул подполковник. – Конечно, унёс. Возможно, потому так быстро и исчез. Ладно, найдём Лагина – всё прояснится. Займись телефоном матери и адрес узнай заодно.

***

Уютное маленькое кафе, попавшееся на пути Дениса, было как нельзя кстати. Он устроился за столиком у стены в глубине небольшого зала, заказал кофе и достал ноутбук Ильи. Внимательно прочитав названия папок на рабочем столе, остановил своё внимание на файле, под которым стояло его имя. Файл оказался довольно пространной пояснительной запиской, подготовленной для него Вуличем.

«Человек надевший погоны или форму, давший присягу, достоин памяти и почестей, положенных воину, а не сопливых стенаний по поводу его смерти. Он знал, на что шёл, и был готов отдать свою жизнь». Эти слова отца навсегда врезались Денису в память, и он старался следовать этому завету. Его работа подразумевала именно такое, несколько цинично-пренебрежительное отношение к жизни – как своей, так и чужой. Это было сродни ощущениям командира высокого ранга, вынужденного посылать в мясорубку битвы тысячи солдат, не думая, что они оставили дома родных, ждущих их возвращения. Главное — результат, главное – выполнить поставленную задачу. В глубине души Денис, конечно, сожалел о трёх погибших вчера охранниках, и еще одном, получившем тяжёлое ранение, но он не собирался страдать и

посыпать голову пеплом. А вот потеря самого близкого друга вызвала в душе острую, почти физически ощутимую боль. Да, это была настоящая утрата, которая на время вывела его из равновесия до такой степени, что, петляя по проулкам микрорайона, Лагин готов был разорвать первого встречного, и с трудом себя сдерживал.

Уже давно Денис не задумывался над тем, какое место в его жизни занимают близкие люди, насколько они дороги ему и как он привязан к ним. Их существование было некоей константой, постоянным явлением, как ежедневный восход солнца или смена времён года – близкие люди, намертво связанные любовью, дружбой, семейными узами. Неделимый, вечный союз. Он воевал, терял боевых товарищей, но это было не так больно, не возникало ощущения опустошённости, которое появилось сейчас и просто душило его. Страшное, пугающее своей необратимостью чувство – словно из твоего нутра вырвали жизненно важный орган, без которого ты обречён на гибель. Примерно то же он ощущал, узнав о смерти отца.

Старший Лагин практически постоянно находился в командировках, пропадая из жизни сына на дни, недели, а то и на больший срок, но, когда возвращался, приносил в дом хаотичное броуновское движение. Жизнь начинала бурлить, играть сумасшедшими красками. Менялась не только картинка, но и запахи, которые шлейфом следовали за ним: мужественные запахи сильного мужчины. Мама словно расцветала в эти редкие для них периоды единения семьи. А для сына отец был звездой первой величины, предметом настоящего поклонения, непревзойдённым авторитетом, и, естественно, смог заразить парня любовью к своей профессии. Денис подражал отцу во всём, и в дальнейшем его мир стал своеобразным отражением мира отца. С самого раннего детства Денис рос в окружении военных и не мыслил для себя другой судьбы, кроме службы на благо Родины.

Денис подражал отцу во всём. Мама, после защиты диссертации преподававшая филологию в университете, отчаянно старалась привить сыну любовь к музыке, живописи, классической литературе, но все её усилия встречали жёсткий отпор со стороны маленького Дениски. Во время очередного отпуска отца сын пожаловался, что мама его достает, но неожиданно получил в ответ холодную отповедь.

– Ты хочешь вырасти тупым и ограниченным солдафоном? – резко и презрительно спросил отец.

Он так и сказал «солдафоном». Денис впервые услышал это слово, но оно стало для него определением высшей степени деградации человека. Он перестал спорить с мамой и больше не противился попыткам сделать из него разносторонне развитого человека.

Окончив школу, Денис поступил на контрразведывательный факультет Академии ФСБ России, где готовили специалистов для оперативных подразделений ФСБ. Впереди светила великолепная карьера, но всё закончилось с гибелью отца.

Полковник спецназа ГРУ Леонид Лагин погиб на задании в горах Кавказа в две тысячи первом. Его группа попала в засаду. В результате долгого и очень тяжелого боя все товарищи погибли, а Лагин, чтобы не попасть в плен, подорвал себя гранатой. Его хоронили в закрытом гробу, у близких даже не было возможности толком попрощаться. Вынужденный вместо родного лица смотреть на тёмно-коричневую лакированную крышку гроба, Денис отказывался верить, что под ней лежит то, что осталось от его отца.

Лагин никогда не забудет, как прямо посередине лекции его неожиданно вызвали к начальнику Академии. Когда он вошёл в кабинет и с порога начал докладывать о своем прибытии, стоящий у окна генерал неуклюже, словно у него заклинило шею, обернулся. Денис увидел бледное, неподвижное, отражающее мучительную скорбь лицо хозяина кабинета, и слова застыли у него в горле. Он замер, интуитивно чувствуя: случилось что-то страшное, непоправимое... Генерал, старый товарищ отца, медленно приблизился и положил руку на плечо парня.

– Крепись, сынок, – хрипло проговорил он. – Твой отец погиб.

Потребовалось некоторое время, чтобы вникнуть в смысл сказанного. Генерал продолжал говорить, но Денис уже не обращал на него внимания. Ощущение утраты настигло и словно ударило под дых: отчего-то стало не хватать воздуха и скрутило живот. «Погиб, погиб», – только это слово стучало в висках, будто кто-то мерно отбивал ритм.

Потом были похороны, прощальные слова друзей и сослуживцев, казавшиеся Денису дежурными, сухими; застывшее лицо мамы и щемящая пустота внутри. Мир рухнул в бездонную пропасть смерти, унося за собой старые представления. Денису казалось несправедливым, что они с мамой переживали страшную трагедию, а окружающий мир никак на это не реагировал. Люди жили обычной жизнью: работали, отдыхали, строили планы на будущее, и это ужасно бесило. Что-то перевернулось в душе парня: он считал, что подвиг отца недооценили и тем самым предали память о нём. Обида и гнев, обуревавшие младшего Лагина, в конце концов вылились в драку с однокурсником, который неосмотрительно пошутил над ним.

Дениса отчислили с третьего курса, предложив два варианта развития событий: зачесть годы обучения, как службу в армии, и просто уйти на «гражданку», или пойти служить в армию и через год восстановиться в Академии. Однако Денис закусил удила и даже слышать не хотел о продолжении обучения.

Открывая ноутбук, Лагин заставил свой мозг не думать о смерти отца и переключиться на другую волну. Теперь он был озабочен только последней просьбой Ильи – защитить женщину. Друг так и сказал: «Если со мной что-то случится, найди способ защитить её. Это она послала меня к тебе, и ты...» Пуля снайпера не дала Илье продолжить, он не успел назвать имя, но Денис надеялся найти его в письме.

Оно начиналось банальной фразой: «Если ты это читаешь, меня уже нет в живых». Далее следовал подробный рассказ о начавшемся рейдерском захвате компании MV Development, о замаскированном под несчастный случай покушении на председателя совета директоров, мажоритарного акционера компании, Владимира Ивановича Маковского; о том, что Маковский сейчас находится в коме, а Илье постоянно поступают угрозы с требованием продать свои акции; о странном бездействии полиции. Илья просил, если с ним что-нибудь случится, защитить гражданскую жену Маковского, Мирославу Романову.

Имя Мирослава всколыхнуло в душе давно забытые воспоминания о юности, о тех днях, когда Денис только начал открывать для себя мир, наполненный неизвестными доселе чувствами и эмоциями. Его первые, неуверенные признания девушке, которую он боготворил, её ответное чувство – как тогда казалось, возвышенное, искреннее, – её тёплые податливые губы, и то, что было потом...

Они познакомились, когда его семья переехала в новую квартиру. Денису оставалось учиться всего год, но мама настояла, чтобы он сменил школу. Прежняя, с высоким уровнем преподавания, оказалась довольно далеко, а та, что была по соседству, нравилась маме гораздо больше. Самому Денису было безразлично, где завершить учебу, главное, что в этом же районе, в шаговой доступности от их нового дома, находился спортивный комплекс, где он занимался в секции боевого самбо. Семь лет он три раза в неделю ездил сюда и знал многих местных пацанов, с которыми сдружился в спортивном зале. Переезд нисколько не смутил его, а напротив, принёс положительные эмоции. Ведь в этом районе он встретил Её – Мирославу или просто Славку, как называли её местные мальчишки.

Вначале она показалась ему немного нелепой в своём странном наряде: чёрная короткая юбка, белые плотные колготки, чёрные гетры до колен, туфли мужского фасона на толстой подошве и мешковатый, словно с чужого плеча, свитер. Густые русые волосы она собирала в хвост на затылке, а из-под длинной чёлки на мир смотрели широко открытые голубые глаза, казавшиеся просто огромными на худощавом лице. Её глаза притягивали, не давая адекватно оценить другие черты лица.

Через пару дней после переезда Денис, возвращаясь с тренировки, задержался возле сидевших на лавочке соседских пацанов. И вдруг появилась Она. Когда Мирослава подошла к парням, их поведение мгновенно изменилось. Все вдруг стали соревноваться между собой в остроумии, отпускали плоские шутки и громко ржали при этом, стараясь привлечь её внимание. Она же оставалась практически невозмутимой, вяло реагируя на потуги парней и кривя в полуулыбке чуть неправильный рот с полными чувственными губами. При этом девушка несколько раз в упор и с нескрываемым любопытством посмотрела на новенького. Денис терялся, когда ловил её взгляды, чувствовал себя неловко, и вместе с тем ему отчаянно хотелось, чтобы эти огромные глаза смотрели на него безотрывно. Он не умел шутить, не знал анекдотов, поэтому молчал, наблюдая за остальными.

После их первой встречи Денис не переставая думал о Мирославе, но никак не мог решиться подойти, хотя учился в той же школе. На переменах они нередко пересекались, и девушка всегда слегка кивала в знак приветствия, а Денис каждый раз собирался заговорить, но от взгляда огромных голубых глаз его словно паралич пробивал и он просто кивал в ответ, торопясь скрыться в глубине школьного коридора. Только уже на выпускном вечере, впервые в жизни протолкнув в горло стакан сухого вина, он неожиданно почувствовал уверенность и пригласил Мирославу на танец. Они не расставались до утра. Это была волшебная ночь с жаркими объятиями и поцелуями, неумелыми, но от этого не менее страстными. Некоторые пацаны хвастали, что целовались со Славой, но только спустя годы Денис понял, что той ночью они осваивали эту науку вместе, и для обоих это были первые поцелуи в жизни. Они расстались, когда свет летнего солнца уже полностью завладел всем вокруг. Хмель после стакана вина давно выветрился, но состояние Дениса напоминало пьяный угар – мир качался перед глазами от переполнявших его чувств.

– Она тебе не пара, – тихо, но строго произнесла мама, когда он переступил порог кухни.

Она сидела за столом напротив отца, уткнувшегося в тарелку с яичницей. От того, что они уже всё знают, Денис на секунду оторопел, досадливо растянул губы, злобно втянул воздух в лёгкие и уже собирался возразить, но отец не дал. Он поднял на сына глаза и молча помотал головой, затем перевёл выразительный взгляд на маму. Она слегка сникла, положила на стол кухонное полотенце, которое держала в руках, поднялась и вышла. Через несколько секунд до них донёсся звук закрываемой двери в спальню и всё стихло. Отец откинулся на спинку стула и встретился глазами с сыном.

– Не делай поспешных выводов, – бросил он спустя некоторое время.

– Это только моё дело, – процедил Денис.

– Конечно, твоё, – спокойно согласился отец. – Но я не об этом. Ты на маму не обижайся. Это почти нормальная реакция для любой матери. Просто она оказалась не готова ко всему этому, а так это ваше...

Отец не закончил, явно не находя определения, которое не обидело бы сына в таких обстоятельствах, покрутил в воздухе пальцами и улыбнулся, будто извиняясь.

– Надеюсь, твои планы поступать не изменились?

– Нет!

– Ну тогда всё в порядке. А маму ты должен понять. Кстати, её мама, твоя бабушка, тоже была не в восторге от моей кандидатуры на роль мужа дочери.

– Да ну! – выпучил глаза Денис.

Ему всегда казалось, что бабушка души не чает в его отце.

– Точно говорю. На первых порах она мне такую обструкцию устроила – хоть бери и воруи невесту. Потом свыклась, и сейчас мы прекрасно ладим. Так что не психуй. Всё будет хорошо. Я тебя поддержу.

Денис сунулся к отцу и благодарно обнял его за плечи.

– Красивая? – спросил тот.

Денис закатил глаза и утвердительно мотнул головой.

– Понятно, – вздохнул Лагин-старший и поднялся из-за стола. – Я вечером уеду на несколько дней. Ты иди поспи, а мне с мамой поговорить нужно.

Денис, несмотря на бессонную ночь, не чувствовал себя уставшим и разбитым. Он забрался в прохладную постель и устремился мыслями в предстоящий вечер, когда они вновь встретятся со Славой. Жизнь неожиданно сделала крутой виток, и он был уверен, что впереди его ждёт только прекрасное будущее. Незаметно для себя он провалился в глубокий сон и проспал почти до вечера. Пробуждение было резким. Ему показалось, что он безнадежно опаздывает на вечернее свидание, сердце резко забилося от ужаса, и он подпрыгнул на кровати. Однако на часах было пять, до свидания оставался целый час. Столкнувшись с мамой в коридоре по пути в душ, Денис настороженно замер на мгновение, но она только улыбнулась и нежно провела ладонью по его щеке. В ответ он порывисто обнял ее и сразу нырнул в дверь ванной.

Новые джинсы, чёрная майка, тщательно уложенные волосы. Денис осмотрел себя в зеркале на стене и, довольный собой, нервно устался на часы. Они договорились встретиться в соседнем дворе, у её подъезда. Идти не больше пяти минут и приходить заранее не хотелось. Не хотелось маячить в ожидании девушки на глазах у вечно торчащих на детской площадке местных пацанов. Время застыло, словно кто-то поставил его на паузу, секундная стрелка медленно описывала круг за кругом, а минутная словно приклеилась к циферблату и не желала двигаться с места...

Всё, пора! Денис быстро натянул кроссовки и вылетел из квартиры. Мигот отмахав лестничные пролёты двух этажей, он выскочил во двор, быстро пересёк его, завернул за угол и застыл в недоумении. Слава стояла на ступеньках своего подъезда в объятиях одного из местных парней, губы которого впились в губы любимой. Глаза Дениса наполнились яростью, лицо исказила гримаса неконтролируемой злобы. Плохо соображая, он саданул кулаком по стене дома и медленно попятился назад.

– Тварь, тварь, тварь! – беспрестанно повторял он, возвращаясь домой.

Уткнувшись головой в подушку, он, не раздеваясь, валялся на кровати, когда в дверь тихонько постучала мама.

– Там тебя девушка к телефону просит, – сообщила она через дверь.

– Скажи, что я умер! – рявкнул Денис, приподняв голову.

Следующие два дня он бесцельно слонялся по квартире, пытался смотреть телевизор, читать, но мрачное настроение не отпускало. Слава звонила ещё два раза, но он так и не подошёл к телефону. На третий день Денис решил всё-таки пойти к ней, объясниться. Ему хотелось посмотреть в глаза девушки, так жестоко обманувшей, предавшей его. Однако он опоздал. Ему открыла мама Мирославы и сообщила, что дочь уехала в Питер, поступать в университет.

Почти неделю Денис провёл в состоянии полной прострации, и только вернувшийся из очередной командировки отец смог вывести его из этого состояния. А потом начались вступительные экзамены в академию, и его несостоявшаяся любовь отошла на задний план. Однако воспоминания о Мирославе ещё очень долго преследовали его, вызывая острую досаду на собственную глупость и детский максимализм. В последнее время он почти не вспоминал о ней, и вот сейчас редкое имя всколыхнуло давно забытое, заставило вновь испытать ощущение потери.

Внимательно прочитав до конца послание друга, Денис закрыл ноутбук и задумался, неслышно постукивая пальцами по крышке стола. Илья предусмотрительно открыл в банке счет на его имя с огромной суммой, заказал дебетовую карту и оставалось только добраться до банка, чтобы получить деньги. Это было очень кстати: если за ним охотятся, то пользоваться картой к своему счёту пока не стоит.

Денису не давал покоя вопрос, зачем киллер стрелял в него. Несомненно, целью был Илья, и он застрелил его первым. Но почему продолжил стрелять, и притом не один раз? Действия снайпера не укладывались в логику. Денис нервно дернул плечами, и тут же рана напомнила о себе. Он быстро сунул ноутбук в сумку, поднялся и направился в туалет, где стащил с себя куртку. Разорванный пулей рукав футболки пропитался кровью, она успела подсохнуть и приклеила ткань к ране. Подвигав рукой, Денис не ощутил особого дискомфорта. Скорее всего пуля просто содрала кожу. Повезло...

Он натянул куртку, включил воду, протёр лицо, пригладил коротко подстриженные волосы и вопросительно уставился на своё отражение в зеркале. Почему Илья просил позаботиться о супруге партнёра и не обмолвился о своей семье? Ни слова о жене Светлане, ни слова о дочери. Позвонить, предупредить её? Бред! Наверняка полиция оповестила Свету и уже опрашивает её. Возможно, сейчас она для них в числе первых подозреваемых. Печально, но это стандартный подход к расследованию. Первыми всегда подозревают людей из ближнего круга убитого. По уму, надо бы идти в полицию, идти сдаваться. Чем дольше он будет скрываться, тем больше к нему возникнет вопросов. И хотя вопросов он не боится, тянуть с этим не стоит. Идти сейчас? Нет, рано! Вначале он переговорит с женой Маковского.

Денис сосредоточился, мысленно воспроизводя в голове номер телефона женщины, указанный в записке, ещё раз провёл рукой по волосам и вышел из туалета.

– У вас есть стационарный телефон? – обратился он к парню за барной стойкой.

– В кабинете у шефа, – коротко бросил тот.

– Одолжи мобильный, мой разрядился, – попросил Денис, пристраивая на стойке тысячную купюру.

Парень оживился, пальцами потянул к себе деньги, достал смартфон, разблокировал его и передал Лагину. Денис медленно ввёл цифры и приложил трубку к уху. После продолжительных гудков ему ответил женский голос:

– Да, слушаю.

– Мирослава?

– Да.

– Я друг Вулича...

– Денис?

– Да, – несколько удивлённо подтвердил Лагин. – Мы знакомы?

– Что с Ильёй!? – нервно спросила женщина.

– Он погиб.

В трубке повисла пауза. Денис слышал только тяжёлое, прерывистое дыхание. Наконец Мирослава хрипло произнесла:

– Приезжай. Улица Жуковского...

– Знаю, – не дал ей договорить Денис, припомнив адрес, указанный Ильёй в послании.

Лагин, что называется, «дул на воду», опасаясь прослушки – считал неуместным сообщать лишние подробности по телефону. Отключившись, он расплатился по счёту, вышел на улицу и поймал такси.

Денис не стал называть таксисту точный адрес и попросил остановить машину за два квартала до конечной точки. Оставшуюся часть маршрута он проделал пешком, попутно стараясь определить, не тащится ли за ним хвост. Хвоста не было, но возле дома он заметил чёрный «Мерседес» и сидящих в нём двух крепких парней в деловых костюмах. Опытным взглядом определив в них охранников, скорее всего, охранников жены Маковского, Денис спокойно направился в подъезд. Парни мгновенно вылезли из машины и двинули следом. Консьерж в чёрной униформе строго взглянул на посетителя, но, когда Лагин назвал номер квартиры, снял трубку телефона и набрал номер. После короткого разговора он расслабился и

мгновенно нажал кнопку турникета, пропуская гостя, да еще доброжелательно подсказал, что ему на шестой этаж.

Денис двинулся к лифту. Когда он нажал кнопку, парни в костюмах, внимательно слушавшие переговоры с консьержем, покинули подъезд. Выйдя на шестом этаже, Лагин огляделся, нашёл глазами нужный ему номер, приблизился к массивной металлической двери и нажал кнопку домофона. Почти минуту ничего не происходило. Он повторно протянул палец к кнопке вызова, когда послышался звук отпираемого замка, дверь плавно распахнулась и Денис застыл, увидев хозяйку квартиры.

Мирослава, его Славка! Мысли заматались, потревоженные острыми эмоциями, которые змейками зашевелились в груди. Он, не отрываясь, смотрел на неё и понимал, как много уткло времени. Девчонка, в которую он влюбился школьником, осталась там, в юности – в туманном и сладком времени, когда казалось, что жизнь бесконечно долгая штука. Нет, Слава не составила и не подурнела. Просто милая девушка, какой она была когда-то, расцвела и превратилась в поразительно привлекательную женщину. Она не стала модельной красавицей, но в её лице, во взгляде была волшебная изюминка – чёрточка, которая делает женщину неотразимой, искра, воспламеняющая порох. Оцепенение продолжалось около половины минуты, пока хозяйка квартиры не привела его в чувство.

– Здравствуй, Денис. Проходи, – негромко произнесла она, отступая на два шага.

– Здравствуй, – сипло выдавил он, вошел в квартиру и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Слава достала из шкафа в коридоре домашние шлёпанцы и поставила перед ним на пол. Он переобулся, прошёл мимо неё в кухню-гостиную и услышал, как за спиной повернулся ключ в замке. Хозяйка двинулась за ним следом, обогнула большой стол, остановилась напротив гостя, оперлась ладонями на спинку стула и в упор посмотрела в лицо.

– Как это случилось?

– Мы были в номере отеля. Снайпер стрелял через окно из дома напротив.

Она молча кивнула и Денис увидел, как задрожали её губы. Ему показалось что сейчас он услышит рыдания – по крайней мере так подсказывал его опыт, —но ничего подобного не произошло. По-видимому, Слава научилась владеть собой, умела держать удар и усмирять эмоции.

– К этому всё и шло, – только и сказала она. – Ты голоден?

Лагин помотал головой.

– Чай, кофе?

– Кофе и стакан воды.

– У меня только из кофемашины.

– Годится. Только покрепче и без сахара.

Слава указала подбородком на диван, приглашая присесть, а сама прошла за барную стойку, которая отгораживала зону кухни от гостиной. Поставив возле подлокотника свою сумку, Денис опустился на мягкие подушки дивана, откинулся на спинку, вытянул ноги и осмотрелся. Квартира, а точнее апартаменты, выглядели довольно заурядно и небогато для такого человека, как Маковский, хотя в принципе – это дело вкуса. По роду деятельности Лагину не раз приходилось иметь дело с миллиардерами, и он мог сравнивать. Если человек не любит помпезность и для него главное удобство, то вряд ли он будет стараться ради понтов. Да и наверняка эта квартира не основное жилище Маковского. Лагин готов был поспорить, что где-то за городом, в престижном охраняемом посёлке, у Маковского имеется великолепный особняк с парой гектаров парковой зоны. За этими банальными мыслями он ощутил, как проваливается в дремоту. Сказывалась накопившаяся усталость, а диван был очень удобным, расслаблял и обволакивал. Он мотнул головой, и как раз тут кофемашина закончила рычать. Вскоре хозяйка поставила на журнальный столик поднос с двумя чашками кофе, вазочкой с орешками и стаканом воды. Денис махом выпил воду, а после нескольких глотков кофе почув-

ствовал себя немного бодрее. Слава, устроившаяся в кресле напротив, тоже пригубила ароматный напиток и принялась без стеснения разглядывать лицо своего гостя.

– Расскажи подробнее, – наконец попросила она, когда он поставил чашку на поднос.

– Я же сказал – снайпер, – передернул плечами Денис. – Мы сидели в номере. Охрана осталась в коридоре. Я увидел красную точку от лазерного прицела на лице Ильи, и сразу выстрел.

Он замолчал, нервно покусывая губу, затем добавил:

– Это я лопухнулся – шторы не закрыл. Идиот, это же банально! Но кто мог предположить?! Он даже ничего не успел рассказать.

– Не вини себя. Илья знал, с кем имеет дело, и должен был сам думать. Я его предупреждала, просила быть осторожнее.

– И с кем? Ты-то хоть можешь посвятить меня в суть дела? Кто на вас охоту открыл?

– На нас? – задумчиво произнесла Мирослава. – Ну, на меня – вряд ли. Володя, хотя и в коме, но жив, а я никто и звать никак. Поэтому пока меня никто в расчёт не берёт. Так, любовница приبلудная.

– Ну да, ты же гражданская жена, а у него наверняка родственники есть. Прямые наследники. Погоди, тогда почему – пока? Есть завешание?

– Нет никакого завешания. И родственников у него нет. Он вообще детдомовский. Были жена и сын. Они погибли во Франции шесть лет назад. Авария с вертолётom.

Лагин непроизвольно наморщил лоб, припоминая сообщения в СМИ об этой катастрофе шестилетней давности, однако в голове всплывали только какие-то отдельные обрывки информации. Но так как к главному делу это не имело отношения, он решил не уточнять подробности.

– Интересно, а к кому его наследство отойдёт? Куш, видимо, немалый. Кто бенефициар?

– Я, – невозмутимо заявила Слава.

Денис недоуменно приподнял брови, поскрёб ногтями щетину на подбородке и тяжело выдохнул.

– Давай с самого начала и по порядку, – устало попросил он. – Я уже запутался. Да! Объясни, почему Илья просил защитить тебя, а про свою семью ни слова.

– Его семья за границей. Честно говоря, даже я не знаю, где. Он вывел немаленькую сумму для них, так что они до конца жизни обеспечены. До конца жизни, – тихо повторила Слава и глаза её опять предательски заблестели.

Денис смотрел на неё: на выбившийся из хвоста локон, который она периодически поправляла, на огромные голубые глаза, чувственные губы, и его мысли начинали бежать в другом направлении. Ему хотелось обнять эту женщину, прижать к себе, ощутить на своих губах тепло её губ. Он с трудом отогнал эту навязчивую идею и сосредоточился.

– Дело в том, что я законная жена Маковского. Мы расписались год назад в Италии. Просто об этом никто не знает. Ну, почти никто. Илья знал, и Володин адвокат – Разин Георгий Павлович. Но Разин его близкий друг и не проговорится. Так что теперь только он и ты хранители этой тайны.

– Спасибо за доверие, – саркастически поблагодарил Денис. – Только непонятно, зачем все эти тайны Мадридского двора. От кого вы всё это скрываете?

– Вначале ни от кого. Просто так само собой получилось. Не афишировали, и всё. Володя настоял, чтобы мы оформили отношения. Хотел меня обеспечить и компанию в надёжные руки передать в случае чего.

– Послушай, Слава! – занервничал Денис. – Ну почему я из тебя информацию клещами тяну? Кто аварию твоему мужу организовал, выяснили?

– Хорошо, всё по порядку! Два месяца назад состоялся тендер на застройку промзоны, и наша компания его выиграла. Не скажу, что всё было уж совсем честно, но и ничего противо-

законного. Просто связи Маковского перевесили связи других претендентов. Надо отдать ему должное, он умел дергать за верёвочки и добывать для компании лакомые кусочки.

– И сколько весят такие кусочки?

– Ну если брать конкретно этот – сотни миллионов. Обеспечение занятости на десять-двенадцать лет. Ну и сам понимаешь, какая прибыль.

– Сотни миллионов?! Понятно, почему вас все хотят убить...

– Ну не сразу прям убить! – недовольно скривилась Мирослава. – Конкуренция, конечно, жесткая. В такой драке все средства хороши, но на убийство... Короче, сейчас не то время. Подставить, уголовное дело завести – это запросто. Только Маковского свалить никому не по зубам. Вернее, было не по зубам, пока он в аварию не попал и не впал в кому.

– Так всё-таки достали его?

– Не уверена! Некоторые странности, конечно, были, но ни полиция, ни прокуратура ничего не накопили. Наши адвокаты с частными детективами тоже всё тщательно проверили, но подтверждения заказного покушения не нашли. Так вот, когда Володя свалился, сразу на наши дочерние фирмы пошёл накат: проверки, выемки документов, аресты счетов, уголовные дела, гражданские иски. Таким образом происходило отвлечение внимания, средств и сил компании. В общем блокировали нас, как могли. Тендерный комитет вдруг решил пересмотреть итоги конкурса, но Илья подал в суд и шансы на благополучный исход были неплохие. Наш третий партнёр, из Питера, среди высоких судейских крепкие связи имеет, и мы вышли на самый верх. Здесь главное – иметь возможность занести. Так что в следующем месяце мы должны были окончательно вопрос закрыть, но неделю назад у Зимина в Питере начались проблемы. Вначале просто угрожали, потом машину взорвали, убить пытались.

– Зимин ваш партнёр?! – воскликнул Лагин.

– Ну да. Ты его знаешь?

– Знаю. Я его и охранял до вчерашнего дня. Серьёзно за него взялись.

– А Илью здесь взяли в оборот. Он семью вывез, а сам продолжил биться за тендер. Сколько я его просила, уговаривала – он ни в какую. Словно дьявол в него вселился. Главное, вижу – боится, но вцепился, как клещ, и прёт на рожон. Чувствовала, что добром это не кончится. Да и Володе недолго осталось. В себя он уже не придёт, так что тягаться, как прежде, мы уже не можем.

– Так сильно поломался?

– Да нет, не сильно. Головой, конечно, приложился, и если бы не его болячка, думаю, просто сотрясением отделался, а так...

Слава замолчала, не закончив мысль, отвернула лицо в сторону и смахнула пальцами слезу.

– А чем он болен?

– Рак простаты. Уже пять лет. Может, нервы после гибели семьи, может ещё что, но пять лет пришлось бороться с этой гадостью. Мы, когда сблизились три года назад, он уже несколько сеансов терапии прошёл. У нас и брак-то был платонический.

– Платонический?

– А как ещё с такой болячкой? Он уже не мог ничего. Мы, скорее, очень близкие друзья, а я ещё и сиделка по совместительству.

– И что тебя держало с ним? Деньги?... – спросил Денис и тут же пожалел о своей бестактности, нарвавшись на злой, презрительный взгляд Славы.

– Ну ты и гад!

– Прости. Не знаю, как вырвалось.

– Ладно. Не ты первый, не ты последний, кто так подумал. Денег мне и так хватало – я же замом у него работала. Можно сказать, второе лицо в компании. У меня зарплата была больше двух миллионов, плюс бонусы. Да и акции компании у меня имеются. Так что деньги

здесь не главное. Ты просто не знаком с Володей, он человек очень хороший, но несчастный и одинокий. Мне с ним интересно было.

«Пожалела мужика», – решил Денис, но вслух комментировать не стал, сидел молча, ожидая продолжения.

– Врачи ему ещё до аварии всего несколько месяцев отмерили, так что авария всего лишь ускорила процесс. Врач предупредил меня, что это фактически агония. Он умирает. Вот и сижу, жду развязку, а так бы меня только тут и видели. Теперь вот ещё Илья погиб.

Мирослава произнесла последние слова с явным надрывом в голосе. Дёрнувшись всем телом, она закрыла лицо ладонями. Было похоже, нервы не выдержали напряжения, и она вот-вот разрыдается. Поднявшись со своего места, Денис присел рядом с Мирославой на подлокотник кресла и обнял её за плечи.

– Спокойно, со всем разберёмся. Не плачь.

Слава отняла ладони от лица, взглянула снизу вверх и покачала головой.

– Нет, Денис, нет! Ты-то хоть не влезай во всё это. Я не хочу тебя потерять.

– Да похоже, уже влез.

– В каком смысле – влез? – насторожилась Слава.

– Не знаю, как это связано. Может, из-за Зимина. Но в отеле киллер и меня пытался грохнуть, после Илюхи.

Её рука легла на раненое плечо Лагина и тот непроизвольно поморщился. Женщина вопросительно раскрыла глаза, догадалась, отдёрнула ладонь и испуганно спросила:

– Тебя ранили?

– Ерунда. Зацепило слегка. У тебя перекись есть?

– Есть. Что ещё нужно? Есть йод, бинт.

– Неси. Где у тебя душ? Хочу ополоснуться.

Слава указала рукой в сторону выхода из гостиной, Денис подхватил сумку и быстро пошёл в указанном направлении. В ванной комнате он стащил с себя куртку, набрал в ладонь воду, намочил присохший к плечу рукав и стянул с себя футболку. Рана открылась, выступила кровь, расплываясь по мокрому плечу. Ранение действительно было пустяковым: пуля, не причинив большого вреда, только сорвала кожу. Лагин сбросил с себя одежду и с наслаждением встал под упругие струи воды. Он стоял, меняя температуру, и уже через несколько минут стал чувствовать себя заметно лучше, как будто вода смывала и уносила усталость. Он насухо вытерся мягким, приятно пахнущим полотенцем, стараясь не испачкать его кровью, которая ещё немного сочилась из раны, обмотал его вокруг бёдер и, приоткрыв дверь, выкрикнул в проём:

– Слава!

Женщина почти сразу вынырнула из-за угла, словно стояла и ждала там. Она вошла в ванную, держа в руках несколько пузырьков, упаковку марлевых салфеток и пластырь, поставила всё это на столешницу раковины и замерла, разглядывая торс мужчины с четко очерченными мышцами под тонкой кожей. Её удивили несколько заметных линий шрамов и пара больших тёмных гематом на груди и рёбрах. Осторожно коснувшись пальцами синюшных разводов, Слава поинтересовалась:

– Где это ты так?

– Зимина вашего защищал, – усмехнулся Денис. – Вот один из киллеров меня и помял.

– Как же так? – лукаво прищурилась Слава. – Я думала, ты супермен. Да и не я одна, – добавила она через паузу. – Ты такую славу в нашем районе имел. Чемпион!

– На всякого чемпиона всегда найдётся кто-то более чемпионистый, – назидательно начал Лагин, собираясь прочитать небольшую лекцию по основам своей работы: о том, что схватка с равным противником – это практически лотерея, и гораздо важнее владение оружием и тактическая подготовка, чтобы при задержании преступника не доводить дело до рукопашной...

Но, вовремя заметив хитрые искорки в глазах женщины, осёкся. Да она же шутит, разводит его! Мысленно чертыхнувшись, Денис потянулся к перекиси. Однако Слава отвела его руку, сама открутила крышку флакона, смочила салфетку и осторожно промокнула выступающую из раны кровь. Затем обработала рану йодом, приложила к ней чистую салфетку и закрепила тремя полосками лейкопластыря. Он расслаблено наблюдал за этими манипуляциями, не чувствуя боли и млея, то ли от охватившего его чувства благодарности за заботу, то ли от близости её желанного тела, аромат которого ощущали ноздри. Беззастенчиво разглядывая высокую грудь в вырезе домашнего шелкового топики, Денис вдруг почувствовал нарастающее возбуждение под полотенцем, и вновь чертыхнулся про себя. Он поспешно отвёл её руки и повернулся к Славе спиной, как бы разглядывая повязку в зеркале.

– Всё, спасибо, – хрипло бросил он. – Хочу одеться.

Слава встретилась с ним взглядом через зеркало, тут же отвернулась и предупредительно вышла из ванной.

Не торопясь Денис натянул свежее бельё, футболку, джинсы, сложил грязную одежду в пакет, засунул его в сумку, пригладил щеткой в серебристой оправе короткие волосы и замер, глядя на своё отражение. Он нарочно тянул время, стараясь подавить в себе дикое желание, унять бурю нахлынувших эмоций. Наконец ему это удалось. Вернувшись в гостиную, он застал Славу с телефоном в опущенной руке. Её широко раскрытые глаза смотрели прямо перед собой не моргая, а застывшее лицо напоминало гипсовую маску.

– Что?.. – спросил Лагин упавшим голосом.

– Зимин продал свои акции, – тихо ответила Мирослава и отвернулась к окну.

Насколько Денис разбирался в процессе, акционерное общество должно обладать преимущественным правом выкупа акций.

– Он вам продал?

– Нет. Какая-то сторонняя компания.

– А разве он не должен был вам предложить для начала?

– В уставе не прописано такое положение. Дожали его.

– Кто?

– Те же, кто и Илью заказал, по-видимому. Теперь дорога для захвата открыта. У Зимина было двадцать процентов, так что они спокойно смогут влезть в управление, сменить совет директоров и прибрать компанию к рукам.

– А процентов-то им хватит? Они же не стали мажоритарными акционерами?

– Мажоритарный в коме. И схему они наверняка выберут банально простую – созовут общее собрание акционеров и сменят совет директоров. Затем совет примет решение об увеличении уставного капитала и дополнительной эмиссии акций. Рейдеры скупят эти дополнительные акции и сами станут мажоритарным акционером. Такой прием называется «размыванием» контрольного пакета. Сейчас этой схемой практически никто не пользуется. Это все кануло в лету, поскольку акционные пакеты консолидированы, находятся, как правило, в надежных руках, а миноритарных акционеров жёстко контролируют. Однако в сложившейся ситуации, учитывая, что им всё-таки удалось приобрести акции, такая схема прокатит на «ура». Это один из способов. Я привела его для примера. Но как они будут действовать, сказать сложно.

– Ну, акционеры могут и не проголосовать как им нужно!

– Смеёшься? Акционеров-то с гулькин нос. Вулич и Маковский точно не прибудут на собрание, а у остальных всего девять процентов. Так что, считай, компания уже ушла.

– А вместо Ильи и Маковского никто не может голосовать? Родственники, наследники, адвокаты...

– Нет, конечно. Ни у кого нет доверенности на управление их акциями. Так что здесь тупик.

Слава повернулась, уставилась в окно, за которым сгущались ранние осенние сумерки, и довольно долго смотрела на улицу пустым взглядом. Денис понимал, что нужно бы сказать что-нибудь ободряющее, но мысли рассыпались тонкими струйками, слова застревали в горле, и он просто молчал. Наконец Слава, тихонько вздохнув, повернулась, прошла за барную стойку и достала откуда-то снизу бутылку коньяка.

– Будешь, или по-прежнему не пьёшь? – спросила она.

– Не пью, но уже не по-прежнему, – усмехнулся Денис. – Наливай.

Тёмно-янтарная жидкость переместилась в шарообразные сифтеры. Они расположились в креслах у журнального стола. После пары небольших глотков Денис поставил свой бокал.

– Ты знаешь, кто за всем этим стоит? Кто заказал Илью?

– Володя говорил, что наш главный конкурент в тендере – некий Полковник.

– Мент, что ли?

– Как я поняла, бывший. Полковник – это вроде прозвища. Его так в бизнес-кругах называют. На самом деле его зовут Сомов Юрий Викторович. По словам Володи, довольно мерзкий тип.

– Чем занимается? Тоже строитель?

– Нет, – качнула головой Слава. – Он рейдер.

– Думаешь, это всё его рук дело?

– Уверена. Правда, у меня информации о нём очень мало. Однако и этого достаточно, чтобы оценить ситуацию и сделать выводы. Сомов занимается рейдерством уже лет десять при поддержке силовиков. Огромное количество захваченных предприятий. Уверена, Володин адвокат сможет больше рассказать об этом типе.

– И бороться ты не собираешься?

– Нет! И я была против, чтобы Илья боролся. Пока Володя был на ногах, к нам и близко никто не подходил. Он мог любого размазать со своими связями. За него, за его бизнес вступились бы на самом верху. А за нас кто вступится? Вот Ильи нет, и я уверена, что это преступление не раскроют.

– Некому вступиться? – растягивая слова, задумчиво уточнил Лагин. – Зря ты так думаешь!

– Ну вот! Ты опять! Я же попросила тебя не лезть в это дело!

– А ничего, что у меня друга убили?! – Денис почти выкрикнул последнюю фразу и почувствовал, как волна почти неконтролируемой злости поднимается внутри. – Меня едва не пристрелили. Я что – должен умыться? – И уже более спокойным тоном он добавил: – Разберёмся.

– Никому ты ничего не должен, – устало произнесла Слава, пригубила из бокала, неодобрительно качнула головой и продолжила: – Если ты погибнешь – это Илью не воскресит.

– Зато я смогу спокойно смотреть всем в глаза, – заупрямился Денис.

– С фото на памятнике, – уточнила Слава. – Великолепная идея!

– Пусть так! – отрезал Денис. – Наверное, мне пора.

Он резко поднялся с кресла и наклонился к лежащей на полу сумке.

– Куда это ты собрался? – удивилась Слава.

– Можно было бы к маме, но, скорее всего, поеду в отель. Не хочу её волновать своим видом. А завтра нужно появиться в полиции. Поди, ищут меня.

– А кто меня охранять будет?

– Тебя? Ты же сказала, что тебе пока ничего не угрожает.

– Ключевое слово «пока», – раздражённо бросила Слава. – Вопрос – сколько будет длиться это «пока». Как быстро они узнают, что наша фирма пустышка, фактический банкрот

и никаких денег на счетах нет, что обеспечение тендера, банковские гарантии – это фикция, мыльный пузырь.

– Поясни. Вы что – мошенничали?

– Нет, конечно! Но...

Слава замолчала, подбирая слова, чтобы наиболее доходчиво объяснить положение дел, и вскоре продолжила:

– Банк дал гарантию под залог пакета акций, который принадлежит Маковскому. Это пятьдесят один процент, то есть контрольный пакет. Так что вскоре, когда выяснится, что мы не собираемся возвращать деньги, банк станет мажоритарным акционером нашей компании. Только кроме тендера, никаких других активов сейчас у компании нет. Когда Володя впал в кому и начались наезды со стороны правоохранителей, Илья просто вывел всё на счета оффшорного инвестиционного фонда.

– Семейно обеспечивал? Это ты об этих средствах говорила?

– Нет, для обеспечения семьи он оперировал своими личными деньгами. А это средства компании и их нужно было спасать.

– И кому этот фонд принадлежит?

– Учредитель фонда – компания, которая учреждена другой компанией и так далее, далее..., – небрежно махнула рукой Слава. – В общем, концов не найдёшь. Но доступ к финансам только у меня, хотя то, что туда перевели, принадлежит всем акционерам. Когда всё устанется – разберёмся, что кому.

– На аферу смахивает, – усмехнулся Денис.

– Нисколько! Если бы нам успели заблокировать счета до вывода средств, мы бы не смогли рассчитаться с долгами. Да и деятельность компании была бы под угрозой. А так мы хоть производственную деятельность можем вести, зарплату людям платим, налоги.

– А кому вы должны? – напрягся Лагин.

– Уже никому. На сегодняшний день мы рассчитались со всеми контрагентами, выплатили налоги, зарплату... В общем, претензий к нам ни у кого быть не может. Мы готовились подписать контракт на застройку, но после смерти Вулича и продажи акций Зиминим – это уже не наша проблема. Вернее, не моя.

– Весело, – грустно подытожил Денис. – Что дальше?

– Вулич исполнял обязанности генерального. Наверняка на днях состоится совет директоров и это место займет Горский, его зам. Оценит положение компании и вынужден будет начать процедуру банкротства. Вот тогда и вылезет вся правда, начнут искать виновного и деньги компании. Свету они не достанут, а меня могут попытаться тряхнуть. В общем, ты мне нужен, и я хочу нанять тебя на работу.

– Так меня уже наняли. Илья на моё имя в банке полмиллиона оставил и просил присмотреть за тобой.

– Ну, на присмотреть, может и хватит, – скривилась Слава. – Только мне нужна полноценная защита. Я готова заключить с тобой контракт на охрану. Скажем, миллион долларов тебя строит?

Названная сумма была запредельной, но, к удивлению самого Дениса, не произвела на него должного впечатления. Его мысли вертелись только вокруг возможности остаться рядом со Славой, это было первостепенным. Да он и бесплатно был готов охранять её, но решил подыграть.

– Миллион?! – нарочито вытаращил он глаза, поднося ладонь ко рту, чтобы спрятать удовлетворённую улыбку. – Хорошо. Разберёмся.

– Я смотрю, «разберёмся» – твоё любимое слово, – заметила Слава. – Только разбираться не надо. Я же просила не лезть в это дело. Просто будь рядом и помоги мне. А разбирается пусть полиция.

– Хорошо, как скажешь, – неожиданно легко согласился Денис.

Он понял, что дальнейший спор ни к чему хорошему не приведёт, и решил просто успокоить женщину. Однако его опыт подсказывал, что без полной картины происходящего и выяснения, кто стоит за всем этим, о полной безопасности говорить не приходится. О противнике нужно знать гораздо больше, чем он знает о себе. Только тогда можно предсказать и упредить удар, который он собирается нанести.

– Ты хочешь, чтобы я остался здесь?

– Ну да. Здесь четыре комнаты. Две спальни, в каждой свой санузел, ещё есть кабинет. Соседние квартиры на этаже тоже наши.

– Здесь армию разместить можно, – покачал головой Денис. – А почему у вас своей охраны нет?

– Есть.

– Ты имеешь ввиду охранников в машине?

– Да. Круглосуточная охрана.

Слава слегка отодвинула штору и движением головы указала на стоящую у противоположного тротуара чёрную иномарку. Лагин одобрительно поджал губы, чтобы не обидеть её, но про себя коротко ругнулся и подумал, что лучшей мишени и придумать нельзя. Он вспомнил этих двух качков в строгих костюмах, их широкоплечие фигуры, по которым не промахнётся даже зелёный пацан, и тихо вздохнул. Успокаивала только сейфовая входная дверь с крепкими запорами, которую вскрыть можно, пожалуй, только кумулятивным зарядом. Ещё бы оружие иметь, и тогда он будет полностью готов к обороне.

– Мне нужно позвонить. Только не со своего телефона. Здесь есть автомат поблизости?

Слава подняла указательный палец вверх, словно её осенила гениальная идея, и быстро скрылась за одной из дверей. Вскоре она вернулась, протягивая Денису смартфон и блок зарядки.

– Новый, сим-карта серая, программа подмены номера и IP-адреса. Через мессенджер можешь звонить без опаски. Только он разряжен.

Денис вставил в розетку зарядное устройство, подключил телефон и положил его перед собой на журнальный стол.

– Откуда такое счастье?

– Там Володин кабинет, – кивнула Слава на дверь комнаты, откуда принесла телефон. – В верхнем ящике стола таких аппаратов ещё пять штук. Он их держал на всякий случай, когда хотел полностью исключить возможность прослушки.

– А что, слушали?

– Ну, а как ты думаешь? Конечно, слушали: и конкуренты, и силовики. Большой бизнес, большие деньги – как на войне.

– Да уж... – покачал головой Денис.

Телефон, лежащий на столе, коротко моргнул экраном. Лагин включил аппарат, не вынимая шнур зарядки, и по памяти набрал номер. Когда длинные гудки прервались, открыв соединение, он бросил в трубку:

– Привет.

– Твою мать! – рявкнула трубка в ответ голосом Игоря. – Ты куда пропал?! Почему твой номер недоступен? Я тут новости смотрел, не знал, что и думать.

– Всё нормально.

– Нормально?! – взвился визгом голос друга.

– Заткнись и слушай, – резко осадил его Денис. – У нас новый заказ. Выезжай ко мне.

– А... – начал Игорь, но Лагин прервал его:

– Возьми инструмент. Адрес я скину тебе на почту.

– Хорошо. Но ты в порядке?

– В порядке.

Денис отключил телефон. Выдернул зарядку из сети, вытащил из трубки сим-карту и аккумулятор, посмотрел на часы.

– Думаю, за час соберётся, – сообщил он. – К утру будет на месте.

– Ты кому звонил?

– Это мой друг и партнёр, Игорь Тулов. Завтра он прибудет в Москву, привезёт инструмент, и мы будем в полной боевой готовности.

– Инструмент – это оружие. Я правильно поняла?

– Правильно, – подтвердил Денис, допил коньяк из бокала и вновь почувствовал, как на него наваливается дремотное состояние.

Непроизвольно веки его плавно опустились, придавленные свинцовой тяжестью сна, дыхание стало размеренным. Слава, не отрываясь, смотрела на засыпающего Дениса: тёмные полукружья теней под его глазами и резко обозначившиеся носогубные складки говорили о безмерной усталости. Взгляд молодой женщины был полон неподдельной заботы. Все обиды и горести, которые она пережила в юности по вине этого человека, канули, утонули в охватившем её нежном чувстве.

– Денис, – тихо позвала она. – Может, пойдёшь спать?

От осторожно заданного вопроса Лагин вздрогнул всем телом. Он открыл глаза и резко поднялся из кресла, словно его вытолкнула неведомая сила.

– Ты проверила дверь? – глухо спросил он, намереваясь пойти в прихожую.

– Постой, постой! – окликнула его Слава. – Всё закрыто: и двери, и окна, сигнализация включена. Иди отдыхай.

Она тоже поднялась и указала на дверь справа.

– Там всё приготовлено.

Денис остановился, медленно развернулся, согласно кивнул, подхватил свою сумку и двинулся в указанном направлении.

Он так устал, что, казалось, должен уснуть, едва голова коснется подушки, но сон никак не шел. Он долго ворочался в кровати, перебирая события последних дней. Всё вспоминалось в деталях, от начала и до конца. Едва он закрывал глаза, как видел безжизненное лицо друга, его пустой взгляд, устремлённый вверх и словно пытающийся что-то разглядеть там.

Сомов, Полковник! Нужно собрать максимально возможную информацию об этом человеке, и если действительно это он заказал Илью, то никакие увещания Славы его не остановят. Впрочем, дело не только в мести за друга. Пока Полковник коптит небо, им всем угрожает опасность. Всем! Но каким местом он сам имеет отношение ко всему этому? Неужели всё-таки дело в Зимине? Денис вспомнил лица застреленных им боевиков, вспомнил, как грузили их мёртвые тела в спецмашину. Возможно, именно за это его решили убрать вместе с Ильёй? Бред! Это же непрофессионально и нелогично, такое не укладывается в схему заказного убийства. Вот если бы он был свидетелем, видел и мог опознать киллера... Но он никого и ничего не видел. Тогда зачем стрелять в него, зачем?..

Денис не находил ответов на эти вопросы и, возможно, не получит их никогда – но это неважно. Сейчас его наняли обеспечивать безопасность, и он будет выполнять свою работу. Хотя в данном случае называть это работой не поворачивался язык. Сознание, взбудораженное неожиданной встречей с прошлым, противилось такому определению. Денис представил лицо Владиславы, представил, как целует её податливые губы, как соединяется их дыхание – и сердце отозвалось таким приятным томлением, что он непроизвольно улыбнулся. Продолжая улыбаться, он повернулся на бок, поудобнее пристроил больную руку, и вскоре крепкий сон отключил его мозг.

Слава проводила Дениса задумчивым взглядом и, когда за ним закрылась дверь в спальню, медленно поднялась из кресла. Она поставила на поднос посуду, отнесла его к мойке,

вылила недопитый коньяк из своего бокала и вдруг заплакала. С минуту она стояла, опершись ладонями о стол, а плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий. Справившись с приступом истерики, она смахнула пальцами слёзы, чувствуя, как жар стыда заливает лицо. Миллион! Она не придумала ничего лучше, чем предложить эту безумную сумму, когда поняла, что сейчас Денис может уйти. Это было позорное проявление слабости, попытка любой ценой удержать рядом человека, так неожиданно возникшего из прошлого и всколыхнувшего прежнее, такое сладостное чувство к нему. Слава ещё ощущала на своих плечах его руки, словно он продолжал обнимать её, но ведь, кроме этого дружеского жеста, Денис ни взглядом, ни словом не показал, что он сам чувствует, как воспринимает её. Вполне возможно, его чувства давно угасли, и она для него всего лишь друг детства. А сейчас и работодатель. Какое мерзкое определение... Миллион долларов! Дура набитая!

Слава подошла к окну, приложила ладони к холодной поверхности стекла, затем попыталась остудить ими свои пылающие щёки. «Всё нормально, – успокоила она себя. – Как любит повторять Денис: разберемся».

Женщина печально улыбнулась своим мыслям, и в этот миг тишину гостиной нарушила мелодия телефонного вызова. Она отпрыгнула от окна. Смартфон, лежащий на барной стойке, высветил имя адвоката Разина. Проведя пальцем по экрану, Мирослава проговорила в трубку:

– Слушаю, Григорий Павлович.

– Ты уже слышала про Вулича?

– Да, я в курсе, – холодно ответила она. – Не знаю, как связаться со Светой.

– Я написал ей. Она перезвонила.

– И как она?

– Ужас, истерика! – ответил Разин, не вдаваясь в подробности. – Я сам только что вернулся из полиции. Они вообще-то хотели встретиться с тобой, но я объяснил, что ты к бизнесу никакого отношения не имеешь. Ты, случайно не знаешь, кто был с Ильей в номере?

– Знаю. Это его друг детства Денис, частный детектив. Илья хотел нанять его на работу.

– Полиция ищет этого человека.

– Завтра он сам придёт к ним.

В трубке возникла затяжная пауза, затем адвокат кашлянул и поинтересовался:

– Ты что, общалась с ним?

– Он и сейчас у меня.

– Я могу с ним поговорить? – оживился Разин.

– Нет. Он спит.

– Тогда свяжитесь со мной утром. Я поеду с ним в полицию. Не нравится мне их настроение. Как бы они не начали вешать это всё на него. Тебе он как показался?

– Я его тоже со школы знаю, Георгий Павлович.

– Не знал, что вы с Ильёй друзья детства, – удивлённо воскликнул Разин.

– С Ильёй – нет. Они с Денисом вместе учились до десятого класса, даже в один детский сад ходили. А потом Денис переехал в наш район и заканчивал мою школу. Так что с Ильёй я только в нашей фирме познакомилась.

– Как всё интересно...

– Да, все знакомы через шесть рукопожатий, – печально усмехнулась Слава.

– Хорошо. Утром жду звонка.

Часы на экране смартфона показывали двадцать тридцать. Вернувшись к журнальному столику, Слава положила телефон и придвинула к себе ноутбук, намереваясь проверить почту. Среди обычных писем, которыми был завален ее электронный ящик, в глаза бросилось письмо от Светланы. Прочитав его, Слава замерла, сдерживая нахлынувшие эмоции. Каждую фразу этого письма пронизывала острая неприкрытая боль. Супруга Ильи обвиняла в свалившихся на неё бедах всех и вся, включая самого Маковского и лично её, Мирославу.

Она резко отодвинула от себя ноутбук, словно от него исходило смрадное зловоние. От несправедливости на мгновение перехватило дыхание, но она справилась с нахлынувшей злостью и обидой. Вряд ли сейчас можно осуждать убитую горем женщину и ждать от неё мало-мальски адекватных действий. Слава вновь взяла смартфон и попыталась позвонить Светлане, но безуспешно – номер не обслуживался. Тогда она набросала ответ в почте, тщательно подбирая фразы, стараясь не впасть в банальность, находить искренние слова утешения и поддержки. Хотя какими словами можно уменьшить горе, которое испытывает эта женщина! Дописав, она отослала послание, но сколько ни ждала, так и не получила ответа. Отправляясь в спальню, Слава ощущала некоторое раздражение и опустошённость в душе.

***

Сомов поднял лицо, отложил на край стола документ, который внимательно изучал, и кивком пригласил вошедшего присаживаться. Высокий, подтянутый мужчина в дорогом костюме подошёл к огромному столу, за которым восседал хозяин кабинета, уселся в удобное кресло напротив, пристроил на колени чёрную кожаную папку и воззрился на своего босса твёрдым взглядом глубоко посаженных тёмных глаз. Его худощавое асимметричное лицо с резкими носогубными складками казалось вырезанным из камня неумелым каменотёсом, и не выражало никаких эмоций. Олег Иванович Шмидт был правой рукой Сомова, абсолютно доверенным человеком. За глаза подчиненные называли его Адвокатом, но хотя Шмидт имел соответствующее его прозвищу удостоверение и лицензию, по сути он таковым не являлся. Скорее, эти документы служили ему охранной грамотой от сотрудников различных силовых структур, которые старались не связываться с представителями спецконтингента. А заодно и пропуском в тюремные застенки, куда изредка попадали члены команды Полковника.

– Слушай, – недовольным тоном процедил Сомов, откидываясь на спинку кресла, – что за шоу устроили там твои утырки?

Шмидт непроизвольно скривил левый угол узкого рта, так что обнажились ровные белые зубы, провёл рукой по начинающим сесть коротко-стриженным тёмным волосам и осторожно заметил:

- Насчёт шоу – не согласен. Задание-то выполнено.
- Я не об этом.

Сомов подвинул гостю документ, который изучал перед его приходом, но тот только ско-сил глаза на бумагу и остался сидеть в кресле.

- Копия протокола осмотра номера отеля. Не желаешь ознакомиться?
- Читал уже. Это я передал его секретарше.

– Ну тогда объясни, что за пальбу устроил там твой боец. Попадать с первого раза разу-чился?

– Нет, не разучился. Выстрел в десятку. Зачем ещё стрелял – сегодня выясню. Я сейчас к нему еду. Послушаю, как всё прошло.

- Не нравится мне всё это. Я поеду с тобой.
- Зачем? – недоуменно воззрился Шмидт на шефа. – Тебе не стоит там появляться.
- А я и не буду. Из машины послушаю. Нацепишь микрофон, и вперёд.

Шмидт согласно кивнул, открыл папку и передал Сомову несколько сшитых вместе листов бумаги.

- Договор купли-продажи акций Зимина, – пояснил он.
- И что мне с этим делать? – раздражённо буркнул Сомов.

Коротко пожав плечами, Шмидт забрал договор и сунул его назад в папку

– Через несколько дней сделка пройдёт регистрацию, и будем забирать компанию. Если хотим быстрее, можно заплатить и ускорить.

- Не горит. Уже торопиться некуда, – немного подумав, отмахнулся хозяин кабинета.

– Так что, едем? – вопросительно кивнул Шмидт.

Сомов медленно выбрался из кресла, встряхнулся, разминая затёкшее после долгого сидения тело, и мрачно изрёк:

– Ну, поехали.

Закир привычным движением закрыл ствольную коробку, передернул затвор, нажал на спуск и поставил винтовку на предохранитель. Затем скомкал испачканный оружейным маслом кусок простыни, на котором чистил оружие, и зашвырнул комок в угол гостиной. Посмотрев на часы, он двинул в прихожую и поднялся по лестнице на второй этаж. Адвокат звонил час назад, а значит, минут через десять должен прибыть на дачу. В ожидании гостей Закир всегда занимал наблюдательный пост у окна второго этажа, оттуда улица просматривалась практически во всю длину и можно было следить за прибывающим транспортом. Всё должно идти по плану. Гостей ровно столько, сколько объявлено по телефону, и машин соответственно. Если бы что-то поменялось без предупреждения, Закир просто ушёл бы со своим напарником через запасной выход. Он не доверял никому и всегда жил в ожидании предательства и измены.

Уже стемнело и вдоль центральной улицы посёлка зажглись редкие фонари. Наконец вдалеке мелькнул свет автомобильных фар. Машина медленно приблизилась, поравнялась с их домом и остановилась у ворот. Закир продолжал следить за улицей, но всё было спокойно.

Открылась водительская дверь внедорожника, Адвокат ступил на землю, сделал несколько шагов к калитке, и в тишине дома прозвучала резкая трель звонка. Закир сбегал по лестнице вниз, коротко кивнул вопросительно посмотревшему на него Аюбу, и тот нажал кнопку на домофоне. Через несколько секунд раздался звук открывающейся входной двери, послышались размеренные шаги, и в просторную гостиную вошёл Шмидт. Он приблизился к столу, не присаживаясь бросил на него пухлый конверт и коротко сообщил:

– Здесь половина. Завтра в десять за вами заедут Клим и Макар, рассчитаются и перевезут вас на новое место дислокации.

Закир невольно скривил лицо. Он терпеть не мог манеру Адвоката вворачивать в свою речь армейские словечки. Шмидт когда-то служил заместителем командира десантно-штурмового батальона, воевал в Чечне, чудом избежал трибунала после скандальной зачистки одного из сёл, но в итоге был просто выдворен из армии. Это было очень давно, но привычка к армейскому жаргону осталась. Чеченец знал его историю. Её в пьяном бреду поведал ему один из бывших сослуживцев Шмидта, когда они с братом проходили подготовку на подмосковной базе ЧОПа. Возможно, в горах Кавказа Закир и Адвокат даже глядели друг на друга через оружейные прицелы. Этот рассказ не вызвал у чеченца никаких особых эмоций и дополнительной ненависти к Шмидту, поскольку его ненависть ко всем, кто движется на двух ногах, и так уже достигла возможного предела. Просто информация, просто сведения, подтверждающие правоту его отношения к людям. До сегодняшнего дня ему было удобно служить этому человеку, подчиняться, выполнять грязную работу. Однако он ни секунды не задумываясь пустит его в расход, если окажется, что лимит доверия исчерпан, что пора менять начальника или уходить в свободное плавание. Похоже, сегодня настал именно такой день, сегодня он нарушил все правила и установки. Закир ждал претензий и, как минимум, разноса. Он с напряжённым вниманием следил за Адвокатом, стараясь уловить в его поведении угрозу. Однако на лице Шмидта не читалось недовольства. Он уже собрался уходить, но вдруг остановился и как бы между прочим спросил:

– Почему не с первого выстрела убрал клиента?

– С первого! – напрягся Закир, ожидая следующих неприятных вопросов.

– Зачем ещё стрелял?

– Контрольные.

– Понятно, – простодушно кивнул Адвокат. – Винтовку скинули?

– В речке утопили, – не моргнув глазом соврал Аюб, прислонившийся плечом к косяку двери в гостиную.

– Молодцы, отлично сработали, – похвалил Адвокат и поднял ладонь, прощаясь.

Аюб проводил гостя до калитки и смотрел вслед, пока тот не сел в машину. Затем вернулся в дом, вопросительно взглянул на хмурого Закира и поинтересовался:

– Тебе что-то не нравится?

– А тебе нравится? – раздраженно ответил тот вопросом на вопрос. – Мне всё не нравится! Слишком он вежливый, даже обходительный какой-то. Похвалил! Пусть засунет свою похвалу себе в...

Закир не договорил, замер, словно догадавшись о чём-то, затем грязно выругался в адрес Адвоката.

– Неужели нас решили зачистить?... – выдавил он после долгой паузы.

– С чего ты так решил?

– Чувствую! Какой-то он не такой. Без наезда, стелет мягко, ласковый. Смотри, даже разбираться не стал: зачем я столько раз стрелял, почему оружие на месте не бросили... Вопрос, ответ, и его всё устроило. Нет, брат, не похоже на него. Что-то он задумал. Да и Клим с Макаром мне не нравятся. Эти двое точно нас зачищать приедут.

– Может, ты зря паникуешь?

– Я?! Паникую?! Ты что, брат, не знаешь меня? – оскалился Закир. – Паника – это не моё. Завтра посмотрим, кто кого.

– Может, не будем ждать до завтра? Если ты уверен, то давай прыгнем в тачку и свалим отсюда.

– Нет! – отрезал Закир. – Они должны деньги привезти. А когда мы расслабимся, тут они нас и прикончат.

– А если не привезут?

– Привезут! Всё должно выглядеть правдоподобно, чтобы мы ничего не заподозрили.

– Тогда давай отдыхать.

– По очереди. До трёх я сплю, после трёх – ты. До десяти у нас уйма времени, утром помозгуем ещё.

Закир поднялся на второй этаж, подпер ручку двери в спальню спинкой стула, поставил будильник в телефоне на два пятьдесят и, не раздеваясь, завалился на кровать. Через пять минут он крепко спал, без сновидений и кошмаров.

Как только Шмидт взгромоздился на место водителя, сидящий на заднем сиденье Полковник закрыл ноутбук и вынул из ушей наушники. Машина в два приёма развернулась на узкой улице и, плавно набирая ход, покатила к выезду из посёлка.

– Что-то с ним не так, – нарушил молчание Сомов. – Понимаю, что врёт, а в чём – не пойму. И главное, зачем?

– Не пойман – не вор, – философски заметил Адвокат.

– Но ведь напрягает! Когда я чего-то не понимаю, то начинаю нервничать. Вот как им можно доверять после сегодняшнего?

Телефон в кармане Шмидта тоненько пропищал, принимая сообщение. Он на ходу выудил его из кармана, нажал на экран, пристально всмотрелся в текст и неожиданно ударил по тормозам. Машина резко остановилась, и Сомов, едва не воткнувшийся лицом в спинку переднего сиденья, громко выругался.

– Я дико извиняюсь, – начал Шмидт, – но кажется, мне всё понятно. Прислали данные на человека, который был с Вуличем в гостинице.

– И что тебе понятно? – язвительно поинтересовался Сомов.

Адвокат, привыкший все дела доводить до конца и лично всё контролировать, ещё утром созвонился со своим человеком в полиции и попросил прислать копии материалов по делу

Вулича. Их пересылали частями, по мере того как удавалось скопировать протоколы и предварительные данные экспертиз. Последним документом была справка о человеке, находившемся непосредственно в номере в момент покушения. Адвокат пальцами увеличил фото на справке и повернул экран к Сомову. Тот взглянул на незнакомое лицо и пожал плечами.

– И кто это? – нервно спросил он.

– Тот самый телохранитель, который положил наших людей в Питере.

– Да ладно! – недоверчиво воскликнул Полковник, приблизил лицо к экрану смартфона и внимательно всмотрелся в фото.

Несколько дней назад, после неудачного подрыва машины Зимина, Шмидт приносил ему подобную ориентировку на нового телохранителя коммерсанта, который увез его в неизвестном направлении. Но тогда он не запомнил лицо.

– Точно он?

– Точно. Здесь он, правда, моложе, но данные совпадают.

– И что?!

– Среди убитых младший брат нашего чечена.

– От сука! Похоже, он узнал его, поэтому и решил грохнуть. Нет, ну а откуда он его рожу знает?

– Откуда и я. Мы же ориентировку из Питера вместе смотрели, когда искали Зимина.

– Понятно! Мстить решил, паскуда!

– Однозначно! Теперь от него один головняк. Не успокоится, пока дров не наломает.

– Нужно от них избавиться.

– От них?!

– Да! Убирай обоих!

– Как скажешь. Они, конечно, профессионалы, но, честно говоря, в сложившейся ситуации я тоже другого выхода не вижу.

– Похоже, и винтовку, твари, не скинули. Ты парней предупреди, чтобы поосторожнее были. Эти отморозки непростые ребята.

– Клим с Макаром тоже не дети. Да и работали с нашими чёрными. Знают, на что они способны.

Настроение у Полковника явно улучшилось, и он расслабленно откинулся на заднем сиденье. Всё выяснилось, ну а дальше, как говорится, дело техники. Когда они выехали на трассу, ведущую в столицу, Сомов приподнял рукав пальто, взглянул на циферблат дорогих часов и приказал:

– Давай домой.

Шмидт машинально покосился на приборную панель, фиксируя время – десятый час. В офис ехать действительно уже не стоило. Адвокат утвердительно мотнул головой и придавил педаль газа.

Резиденция Сомова находилась в закрытом поселке на Рублево-Успенском шоссе. На просторном участке в семьдесят соток был разбит великолепный ландшафтный парк. На двух этажах роскошного дома с мансардой, построенного в классическом стиле, располагались пять спален с ванными комнатами, зимний сад с лестницей в бассейн, тренажерный зал, сауна. Имелся даже лифт. Всё, как должно быть у преуспевающего бизнесмена, покорившего олимп, взобравшегося на жизненный пьедестал победителя и восседающего на нём. Впрочем, владельцу особняка все эти материальные блага уже давно обрыдли, стали рутинной, которую просто не замечаешь и считаешь делом естественным. Пресыщение. Скука смертная. Единственное, чем Сомов ещё не наелся досыта, что будоражило его сознание, не давало мозгам окончательно облениться и заплывть жирком – это власть. Власть над людьми, над их жизнями. Самолюбование, восхищение собственным гением, осознание себя вершителем судеб заводило его больше всего. При этом ему не нужно было всеобщее признание, публичность, фото в жур-

налах, интервью телекомпаний. Положение серого кардинала, эдакого закулисного кукловода, дергающего за невидимые ниточки, вполне устраивало самонаречённого полковника. Ну не дослужился он до этого звания, которое почему-то нравилось ему даже больше генеральского. Подполковник, зам. руководителя службы безопасности главка, отличная карьера. Ему оставалось совсем немного до должности руководителя и полковничьих погон, но произошёл досадный инцидент. Один из сотрудников его службы в пьяном угаре застрелил проститутку. Непосредственный начальник Сомова был креатурой замминистра и тот не дал его слить, просто перевёл на повышение, а козлом отпущения сделали заместителя. Сомов имел компромат на полковника, да ещё и какой – просто бомбу! Однако, скрипя зубами, принял отставку. Бомба могла взорваться и зацепить его самого, а он не собирался рисковать. Уже тогда он имел предприятия, налаженный бизнес, приносящий немалый доход, поэтому решил терпеть и ждать. Всею своё время!

Прошёл без малого год, пока он решился выволочь на свет грязное бельё своего бывшего начальника и утопить его. Не получилось стать полковником по званию, но ничто не мешало ему стать Полковником по положению. Полковником, который запросто мог сожрать практически любого генерала с помощью имевшегося компромата. А этого добра хранилось в архивах Сомова в достаточном количестве. Не существовало политиков или высоких начальников в погонах, которые добрались до своих мягких кресел прямой дорогой честного служения отечеству, не замарав рук или репутацию. Практически каждый из них имел свои скелеты в шкафу. У кого-то они были вроде бы незначительные, давно забытые, но неприятные, все ещё дурно пахнущие; а у других такие, за которые можно загреметь на прополку тайги и на довольно длительный срок. Конечно, Сомов дергал за свои ниточки осторожно, не перегибая палку, не увлекаясь. Не лез в верхние эшелоны власти, где царили другие законы и другие кукловоды. Даже губернаторский уровень был для него под табу: там запросто могли свернуть шею, переехать на танке и не заметить. Полковник довольствовался влиянием на всяких замов высоких начальников, хотя и здесь подходил вдумчиво и избирательно, поскольку прекрасно понимал, что не он один имеет связи и дружеские отношения в высоких кабинетах. Поэтому прежде чем «наехать» на кого-либо, Полковник тщательно проверял и собирал сведения о жертве. Но самым лакомым блюдом для Сомова были бизнесмены, у которых он, не заморачиваясь моральными терзаниями, отбирал бизнес, ломал судьбы, иногда доводя до суицида или тюрьмы. С иезуитским садизмом он измывался над попавшими в его сети бизнесменами, когда они, почти смирившись с крахом, умоляли оставить им хоть какие-то средства существования. Ему доставляло удовольствие унижать людей, считавших себя хозяевами жизни, сбросить их с пьедестала, показать, чего они действительно стоят.

Сомов не сразу после отставки занялся рейдерством. Вначале требовалось накопить силы и средства для осуществления своих грандиозных планов. Нужна была силовая структура, поскольку в большинстве случаев попытки рейдерского захвата сопровождались конфронтацией с бывшими собственниками. Здесь ему и пригодился бывший замкомбата Шмидт, в своё время спасённый им от тюрьмы.

Для оказания воздействия на оппонентов они привлекали сторонних лиц – бывших партнеров или акционеров компаний, кредиторов, представителей государственных регулирующих органов. У руля захваченных фирм Сомов не становился: оставаясь тенью внешним координатором, он управлял с помощью указаний лицам, действующим в его интересах. Начинали с достаточно мелкого бизнеса. После накопления опыта, значительных финансовых средств и связей в государственных и коммерческих структурах перешли к захвату более крупных компаний. Менялись и схемы получения контроля над активами, они становились более сложными, комбинированными. Часто применялись и совсем противозаконные – угрозы, шантаж. Однако на крупных монстров бизнеса Сомов побаивался замахиваться, и этот страх, который он не мог побороть, выворачивал Полковника изнутри.

Сомов с детства копил в себе ненависть к тем, кто мог позволить себе жить лучше, чем его семья, и считал, что судьба обошлась с ним несправедливо. Сейчас он сводил счёты, вымещая злобу на тех, до кого мог дотянуться.

Своего отца, школьного учителя, который просиживал вечера за книгами под аккомпанемент нудного нытья матери об отсутствии денег, Юра Сомов считал тюфяком и неудачником. К концу школьного обучения он возненавидел свою семью и нищенское существование, поэтому, получив аттестат зрелости, устроился учеником автослесаря, считая эту работу достаточно денежной и престижной. На деле она оказалась тяжёлой, грязной, и парень уже подумывал подыскать другое занятие, но тут пришла повестка и он загремел в армию. После демобилизации Сомов осмотрелся и неожиданно понял, что вообще не создан для работы, а вот служба в милиции показалась самым приемлемым вариантом. Удостоверение, оружие, полномочия служителя закона открывали прекрасные перспективы безбедной жизни при минимуме усилий. За двадцать лет службы в органах он прошёл путь от участкового до заместителя начальника службы безопасности главка, но на этом месте его карьера дала сбой.

Пока глава компании MP Development был в добром здравии, Полковник не мог даже помышлять о рейдерской захвате этой фирмы. А руки чесались уже давно, с первой встречи с Маковским на приёме в мэрии. Их представил друг другу человек, который наверняка обрисовал бизнесмену положение и вес Сомова в столичном бомонде, однако рукопожатие Маковского показалось Полковнику небрежным, взгляд равнодушным, презрительным и полным нетерпения, будто тот хочет поскорее избавиться от общения с ним, словно пытается отогнать назойливую муху. Показалось? Возможно, но для Полковника это ничего не меняло. Он возненавидел Маковского. Поначалу даже хотел убить, но решил, что, если заказать такого монстра, могут быть серьёзные последствия. Только когда Маковский оказался в больничной палате, и по добытому Шмидтом заключению врачей стало известно, что он уже вряд ли придёт в себя, Сомов принял решение подмять под себя его империю или по крайней мере развалить и уничтожить её.

Он уже почти забыл про своё унижение, когда Маковский неожиданно встал у него на пути в тендере на застройку. Всё было на мази, конкурсная комиссия ангажирована, но в последний момент заявила фирма Маковского и всё пошло прахом. Ладно бы проигранный тендер – хотя такой щелчок по носу Сомов не собирался прощать, – вспомнились старые обиды. Захотелось уничтожить любимое детище этого человека, растоптать всё, что он создавал годами... И вот теперь никаких препятствий в виде назойливых партнеров Маковского больше не существует. Вскоре, не торопясь, наслаждаясь моментом, он будет планомерно двигаться к цели. Впрочем, и тендер не помешает, да и довольно сладкие активы компании будут не лишними.

Занятый своими мыслями, Сомов не заметил, как они подъехали к высокому крыльцу его особняка. Несколько секунд он тупил, ожидая, что ему откроют двери, но потом сообразил, что за рулём не персональный водитель, а Шмидт, и лишь тогда дёрнул ручку двери и ступил на выложенную камнем площадку. Тут же перед ним возник один из охранников, круглосуточно патрулирующих территорию. Он открыл было рот, то ли собираясь поприветствовать босса, то ли доложить, что всё в порядке, но Полковник небрежно махнул рукой, и охранник замер, вытянувшись по стойке смирно.

– До завтра, – бросил Сомов в открытое окно внедорожника и стал подниматься по ступеням крыльца.

Позади послышался шум отъезжающей машины, распахнулась парадная дверь и в проёме показалась фигура поджидавшей его горничной.

– Добрый вечер, Юрий Викторович, – приветствовала его девушка, придерживая дверь.

Он благосклонно кивнул в ответ, сбросил плащ на подставленные руки и проследовал в кухню-столовую.

Горничная повесила плащ на плечики, убрала в шкаф и вскоре появилась в дверях кухни.
– Ужин в гостиную подавать?

Сомов взглянул на аппетитную фигурку девушки, покачал головой, открыл холодильник и достал початую бутылку минеральной.

– Свободна на сегодня, – буркнул он, прикладываясь прямо к горлышку.

Девушка удалилась, но на её месте тут же возникла супруга в домашнем платье.

– Юра, ну неужели нельзя взять стакан? – театрально вскинув руки, воскликнула она.

Сомов лишь раздражённо отмахнулся, огрызаться не стал. Сегодняшний день сложился достаточно удачно, не хотелось портить его спорами с женой. Перепадки между ними случались довольно редко. Прожив вместе двадцать семь лет, они научились вовремя останавливаться. Пока росли дети, цапались гораздо чаще, в основном из-за разных взглядов на воспитание. Супруга считала его требования завышенными и защищала дочь с сыном от нападков отца. Он же требовал беспрекословного повиновения, хороших отметок в школе, занятий спортом и языками.

Дети были погодками и давно уже учились за границей. Сомов настойчиво предлагал жене перебраться к ним, но она и слышать обо этом не хотела. Нет, Юлия ему не надоела и, наверное, он продолжал любить её, но как-то по-другому. Словно дорогой аксессуар, который вышел из моды, но когда-то стоил настолько дорого, что не может быть и речи расстаться с ним. В своё время простой мент потратил уйму сил и средств, чтобы охмурить дочку профессора: умницу, красавицу, единственную наследницу четырёхкомнатной «сталинки» в центре Москвы. Тогда казалось, что он выгащал счастливый лотерейный билет, и это было недалеко от истины. Вскоре после свадьбы связи профессора помогли Сомову продвинуться по службе и занять хлебную должность. Он для тестя тоже оказался неплохим вложением. Когда развалилась страна и высшее образование вместе со всем преподавательским составом оказалось в заднице, именно Сомов содержал родителей жены, обеспечивая им вполне достойное существование. Своих родителей тоже пришлось содержать, только общаться с ними он отказывался наотрез. Оба умерли в середине нулевых. На похороны отца Сомов не приехал, их подготовила нанятая им фирма ритуальных услуг. Похороны матери, умершей через год, он всё же решил почтить своим присутствием. Установил на кладбище дорогие памятники, заключил договор на уход за могилами родителей, и, посчитав сыновний долг выполненным, больше ни разу там не появился. А вот родители супруги были ещё живы. Мало того, тесть умудрялся писать статьи и научные работы, что слегка тешило самолюбие Полковника.

Сомов оценивающе посмотрел на супругу и неожиданно ощутил растущее желание. Близость между ними случалась довольно редко, хотя для своих лет Юлия выглядела просто прекрасно: тренированная фигура, красивое ухоженное лицо. Одевалась она дорого и со вкусом, и частенько ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин – не только ровесников, но и моложе себя.

Хозяин дома поставил в холодильник недопитую бутылку, шагнул к женщине и притянул её к себе.

– Юра! – заговорщицким тоном прошипела она, оглядываясь. – Прислуга увидит!

– Я её отпустил. Пойдём.

– Постой, – попросила она, слегка отстраняясь, – ты новости сегодня смотрел?

Сомов отпустил её руку и отрицательно качнул головой.

– А у меня в салоне телек весь день работает. Там такую жуть передавали!

Жена владела огромным элитным СПА-комплексом, в котором пропадала целыми днями. Полковник тяжело выдохнул, обреченно пожал плечами и приготовился слушать. Он по опыту знал, что пока на него не вывалят все сплетни, ничего не будет. Значит нужно собраться, молча переждать, и тогда супруга удовлетворит его внезапно возникшие потребности. Впро-

чем, он уже почти жалел о своём внезапном порыве. Желание постепенно отпускало, уступая место лёгкому раздражению.

Постоянной любовницы Полковник не имел, предпочитал спонтанные романы. Его привлекали женщины постарше, переживающие ощущение уходящей молодости, жаждущие наступления «запоздалой весны», сгорающие от неутолённой страсти. Они-то и были для него самыми привлекательными объектами сексуального желания. Знакомясь с понравившейся женщиной, он начинал упорно добиваться её, и, как правило, богатый, импозантный и холёрный мужчина получал своё. Однако после нескольких свиданий в постели он остывал и просто отшивал надоевшую подругу. Впрочем, и без романтических порывов Шмидт всегда мог организовать ему отдых в обществе молодых, модельного вида эскортниц, опытных и готовых на всё. Так что Сомов вполне мог обойтись без внимания супруги.

– И что там показывали? – обречённо поинтересовался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.